

Н.В. ДУБОВИЦКИЙ

УЛЬТРАНОРМАЛЬНОСТЬ

ГЕШТАЛЬТ-РОМАН

Н. В. Дубовицкий

Ультранормальность.
Гештальт-роман

«Издательские решения»

Дубовицкий Н. В.

Ультранормальность. Гештальт-роман / Н. В. Дубовицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838962-7

2024 год. Президент уходит, преемника нет. Главный герой, студент-металлург, случайно попадает в водоворот событий, поднимающий его на самый верх, где будет в дальнейшем решаться судьба страны. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-838962-7

© Дубовицкий Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава А. Взувание	6
Глава Б. Партийность бытия	17
Глава В. Пробезднение	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ультранормальность Гештальт-роман

Н. В. Дубовицкий

Иллюстратор Людмила Тетюшина

© Н. В. Дубовицкий, 2018

© Людмила Тетюшина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-8962-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я давно хотел опубликовать свой самый первый опыт в романе, но не находил для этого подходящего повода. Поэтому познакомиться с моей работой читателю придется слишком поздно... Однако, учитывая возвратно-поступательное понимание времени в нашей политической культуре, в то же время – и очень рано. Возможно, именно поэтому некоторые найдут несвоевременную актуальность в том, чем закончится роман. Мы снова вплотную подходим к тому классу проблем, для которых не предусмотрено никаких механизмов отмены и снятия. Вероятно, именно сейчас кажется, что мне и вам необходимо закрыть этот старый гештальт»

Из интервью с Н. Дубовицким

Глава А. Взувание

Если бы не шпич по кличке Кнопа, ничего бы этого не случилось.

Маленький белоснежный комочек, воспитанный здоровенными алабаями, со сбитыми инстинктами, и раньше втыкал своё кинжальное зубьё туда, до куда допрыгнет. Маленький изверг с остервенением кидался на все, что двигалось, и потому, когда в последний день лета Стрельцов оспортивился на корте, тот впился ему бедро и стиснул челюсти с такой неимоверной силой, словно это были гидравлические тиски.

Тварь еще долго преследовала его на своих культях даже когда Федор, окровавленный и охромевший, изо всех сил бежал к забору. Когда же Стрельцов перемахнул через ржавую ограду, эта зверотушка протиснула между прутьями свою пушистую головку и продолжала остервенело лаять, рыть землю и разбрызгивать вокруг белую пену слюны. Глядя со стороны на такую картину, каждый подумает в первую очередь о бешенстве, о том самом rabies virus, от которого раньше делалось сорок уколов в концептуальное место.

Подумал о нем и Федор Стрельцов. И именно поэтому он вскоре оказался в окрестностях Инфекционной клинической больницы №3, чтобы избавить себя от лишних рисков, связанных со здоровьем.

Меж тем 2024 год был богат на события. Мы заняли второе место в летних Олимпийских играх в Новом Орлеане, на Луну отправилась первая пилотируемая миссия, население Земли достигло восьми миллиардов, Казахстан готовился к переходу на латиницу, а наша страна начала сборку сверхзвуковых пассажирских авиалайнеров.

А еще мы готовились выбирать президента. Вместе со старым лидером уходила целая эпоха достижений, провалов и недостигнутых новых горизонтов. Уже никто не помнил его приход во власть, не добропамятовал в каком состоянии находилась страна и с чем приходилось бороться. Жизнь наладилась как бы сама собой, это как бы «случилось», и такому реликту как нынешний президент в ней не находилось никакого места.

Президентская кампания еще не началась, но листовки и баннеры, формирующие общественное мнение, разукрашивали каждый угол. Казалось, если бы их не печатали, а деньги направили в экономику, можно было бы еще разок удвоить ВВП. Стрельцову хватало этих лиц и лозунгов в вузе, где агитаторы пытались заманивать его и других студентов в разные сообщества, клубы, молодежные движения и партии. Но он все равно продолжал переразглядывать яркую печатную продукцию, так как до последнего гнал от себя мысли о грядущих беседах с врачом и, конечно же, уколах.

«Умному человеку делать в политике нечего» – говорил его отец. Эта боевая мантра стала и его принципом, хотя объяснить самому себе что такого нехорошего в этой самой политике он не мог и не хотел. Разбираться в «грязных делах» должны специалисты по грязным делам. Как и в вопросах работы канализации должны разбираться специально подготовленные люди, считал Стрельцов, так и политика – профессиональная среда, где любителю делать нечего. По незнанию заляпаться легко. Косвенно в правоте этой позиции его убеждали и агитаторы в вузе, которые неоднократно высмеивали его не такие уж наивняцкие суждения о власти и о том, как должна быть устроена их страна.

Дом культуры – старое советское здание, протиснувшееся аккуратно между четырехэтажным бизнес-центром и жилой девятиэтажкой – единственное, на котором не было рекламы. Ни продаж товаров, ни кандидатов, ни громких вывесок о дешевых серебряных побрякушках в подарок любимой. Словно поля в тетради, он позволял отдохнуть глазу. Только сбоку кто-то приписал аэрозольной краской: «Я не гей, все геи сидят в Кремле. Никита Воротилов».

Как и многие бюджетные строения, дом выглядел неприбранным и неопрятным, но все же передавал какую-то внутреннюю теплоту давно внушенной неизбежной заботы государства о простых гражданах, плохо помнивших дни той заботы.

Вход, единственное обновление ДК, выполненный из пластика, окружали небольшие бетонные клумбы. Рядом дворник подметал разбросанные по земле листки о продаже башкирского меда и окурки. Рядом стояли два человека средних лет, явные провинциалы, которые бросали фильтры от сигарет прямо на асфальт.

Вывеска все же нашлась. Стрельцов подошел ближе и всмотрелся. На дверном стекле, с обратной его стороны, висел небольшой белый листок формата А4. На нем от руки синими чернилами выведены слова: «Разговоры о языке. Сегодня в 12.00, 14.00 и 16.00. Вверх по лестнице и направо до конца».

Разговоры о языке? Кто так пишет анонсы? Идет ли речь о русском языке, или это беседа торговцев из соседнего мясного рынка, и речь о коровьих языках? У работников Дома культуры не нашлось слов, чтобы правильно выразить свою мысль?

Федор и так целые сутки оттягивал поход к врачу, да и сейчас всеми этими случайными остановками подсознательно прокрастинировал. А надо было бы контркрастинировать. Подумав об этом, он уже было повернулся обратно лицом к проспекту, как услышал, что дверь у него за спиной открылась, из ДК вышло несколько человек. Они ничего не сказали, только произносили какие-то неконтролируемые звуки, какие обычно испускает человек от восхищения или удивления.

Он повернулся. Гостей столицы оказалось всего трое. Двое одеты современно и в целом походили на местную диаспору. Третий постарше, одет в народный костюм южных регионов. Он размахивал руками, но не мог ничего произнести из-за переполнявших его чувств.

– Вот шайтан! Ну и что эта была такое? – наконец произнес он.

Его спутники пожали плечами.

– Кудэсник! – продолжал южанин. – Точно гаварю – кудэсник! Ничего падобного нэ видел, мамой клянусь!

Получилось похоже на анекдот, или на то, как они видят нас, как мы видим их. Путаница пропозиций.

Двое местных, что стояли поодаль у клумб, переглянулись. Тихо выдавив из себя какое-то расхожее народное ругательство, они побросали окурки на высаженные цветы и направились неторопливо в сторону метро. Южане же отошли в сторону и продолжали недоуменно переглядываться и делать руками вопросительные жесты, не имея слов обсудить случившееся.

Это настолько контрастировало с недавно прочитанным, что Федор сделал несколько шагов вперед, даже поднялся на первые две ступеньки на пятиступенчатом крыльце, и снова пробежался глазами по листку. Сомнений не оставалось: сейчас без десяти четыре, и эта троица явно вышла после очередного «разговора о языке».

Находясь в легком смятении, Стрельцов ненавязчиво приблизился ко входной двери и, повернувшись лицом к зданию, сделал шаг в сторону южан чтобы лучше расслышать их триолог. Потрясенные чем-то увиденным, они высказывали только восхищение, а когда повисала пауза, смеялись и делали неопределенные импульсивные жесты руками.

Что такое русский язык он знал не понаслышке, как и любая жертва средней общеобразовательной школы в этой стране. Нудные зубрежки правил, домашние задания, слова-исключения, наречия, прилагательные, вопросы по ЕГЭ, безударные гласные и бессмысленные экзамены. Даже думать не хотелось, как обходились в прошлом люди без широко распространенных сегодня текстовых редакторов и синтезаторов текста с голоса. Если добавить суда престарелую учительницу Марию Никитичну, которой самое место в сумасшедшем доме, и разговоры возбужденной общественности о величестве и могуществе русского языка в блогах,

полные орфографических ошибок, становится понятно, какие чувства испытывает среднестатистический школьник или студент, когда звучит словосочетание «русский язык».

Решив, что русскому человеку не надо рассказывать про его родной язык, он и так все знает, и то, что лекции по русскому языкознанию могут удивлять только отсталых кавказцев, Стрельцов отвернулся от стеклянной двери и афиши. Он уже сделал первые шаги вниз по лестницы, как дверные петли снова скрипнули, и из глубин оскверненного храма культуры вышел на свет вполне успешный человек в дорогом пиджаке, часами «Montblanc» на запястье, играющий ключами от автомобиля. Этот знаковый язык Федор понимал намного лучше, чем язык межнациональных отношений.

– Вот засранец, а, – произнес он насмешливо вслух, глянув мельком на Федора.

Он подбросил ключи, ловко поймал их, послал сигнал куда-то влево, откуда ему откликнулась припаркованная машина, и с возбужденным видом покинул площадку перед ДК.

Что-то изменилось с появлением конвенционного образца успешности в этом гиблом месте. У Стрельцова, не желавшего идти к врачу-инфекционисту, появилась слабая надежда потратить время на что-то бесполезное, чего ему так не хватало в жизни.

Он решил, что, если и следующий, кто выйдет через парадный вход Дома культуры, зауважествует себя своим успешным и деловым видом, он все же отправится внутрь и посмотрит что там происходит. А к врачу – после лекции. Но если выйдут те, кто ничего не добился в жизни и выглядит дешево, он возьмет себя в руки и все же покажется инфекционисту.

Переложив принятие решения на слепой случай, Стрельцов отошел от двери, присел на край клумбы, достал старенький десятилетней давности смартфон и вышел в Интернет, где его ожидали десятки нелепых, нудных, рекламных и ненужных сообщений, среди которых только одно имело смысл – от брата.

«Наша сборная в Лондоне. Передай родителям, чтобы не волновался. Долетели нормально».

Недели обучения отца пользоваться Интернетом не принесли никаких плодов. Детский контроль не состоялся. Что до, что после приходилось работать посредником. А на Ивана не было никакой надежды, так как он целыми днями пропадал на партийных пьянках или даже митингах, после которых еще несколько суток сидел в «обезьяннике», а придя домой пил и хулиганил.

Кавказцы уже ушли, по улице то туда, то сюда сновали люди, которым до происходящего не было никакого дела. Изредка кто-то заходил в ДК, но оттуда никто не выныривал.

Федор уже подумал двинуться в сторону поликлиники, так как оставалось без двух минут шестнадцать, как дверь снова привычно скрипнула, и на пороге показался Денис Мешков. Одногруппник, насколько это слово вообще применимо к человеку, который посещает только те лекции и семинары, которые ты систематически прогуливаешь.

С виду, как всегда, одет безупречно: темно-синий свитер и джинсы, подчеркивающий его чуть выше среднего рост, утонченные очки и, чтобы совсем не потеряться среди коренных – нелепый браслет, обиндивидуализующий его с ног до головы – как есть.

– Федя? Так вот ты где пропадаешь...

– Да не...

– Там начинается уже все!

– Да погоди ты, – остановил его Федор. – Твои-то как дела?

– Если не считать того, что бросил Свету, все нормально... Потом как-нибудь расскажу. Иди давай, а то не успеешь...

Федор поднялся с клумбы и в несколько прыжков оказался на одной с Денисом ступени. Не то чтобы Стрельцов рассматривал его как успешного в жизни яппи, но то, что он встретил знакомого, уже само по себе было отчетливым знаком счастливого случая, на который он понадеялся.

– Это что-то стоящее? – напоследок уточнил Федор.

– Ты дурак что ли? Этот мусор, что нам толкают на факультете, вообще ни в какое сравнение...

В спешке попрощавшись, Стрельцов направился внутрь. Сперва длинный коридор, увешанный афишами звезд эстрады муниципального масштаба, послушать которых ходят престарелые и слабопомнящие. Среди них и образцовый оркестр ФСБ. Затем с плакатов смотрят местные юмористы, популярные еще в нулевые, оплаченные районной ячейкой партией власти. Поворот на лестницу, а затем, на втором этаже, туда, куда указывала нарисованная той же шариковой ручкой стрелка – на малоприметное помещение. Это даже не актовый зал, а скорее переоборудованное в таковой подсобка, ранее служившая складом.

Внутри находилась небольшая полукруглая сцена, вокруг которой стояли рядами стулья разных размеров, изготовленные то из пластика, то из древесины, иные основательно шатались. Свет притушили, поэтому помещение казалось больше по размерам, чем есть на самом деле. Одиноким прожектор с потолка светил в центр сцены. На сцене стоял табурет и доска для рисования. Такие часто в офисах вешают – чтобы задачи и штрафные очки сотрудникам прописывать.

Солнечный свет пробивался над-через старыми дырявыми, но очень плотными шторами. Это позволяло разглядеть ждунов. Из примерно сорока мест они занимали только пятнадцать. За редким исключением все сидели по одному, никто не разговаривал. Впрочем, чего стоило ожидать от такой убогой вывески? Наверняка случайные люди, коротающие время, как и он сам. Лиц не видно. Да и какая разница кто из них кто?

Стрельцов пробрался на ощупь в первый ряд и сел с краю, в трех стульях от грузного мужчины, который шумно дышал носом. Руки на его животе не сходились, и он раз за разом делал попытки сцепить их вместе. Контакт пальцами еще более-менее удавался.

Началось все минут через пять, чуть позже запланированного времени. На полусцену вышел человек средних лет. Самый обыкновенный: в невзрачных брюках и простой темной рубашке, без колец, браслетов и цепочек, непривлекательной повседневной внешности – и будничным жестом начертил на доске маркером схематическую фигуру человечка.

Он не поприветствовал собравшихся, не представился, не объявлял никому благодарностей за то, что это мероприятие состоялось. Просто вышел и начал свой «разговор о языке».

– У аборигенов Австралии нет такого понятия как «дерево». С деревьями они сталкиваются каждый день, но дерево как явление для них отсутствует, потому что у них нет подходящего слова, обозначающего дерево. Если спросить аборигена о том, сколько деревьев растет на холме, он приглядится и скажет: «Там растет три кауры, один эвкалипт и две секвойи». Но вместе они не составляют единства. Когда же начинаешь говорить, что каура, эвкалипты и секвойи – это все деревья, он вас не поймет. Для него смешивать разные породы деревьев в одном понятии «дерево» это все равно, что найти общее слово, которое для нас обозначало бы здание и реку. Существуют языки, которые используют разные числительные для предметов разной формы, есть языки, в которых нет глаголов или таких понятий как «мать» и «отец», существуют языки, в которых нет большинства известных нам цветов, а у белого или черного цвета могут быть десятки оттенков. Это было бы простым занимательным фактом с точки зрения эрудиции, если бы не то обстоятельство, что человек на самом деле мыслит словами, а не идеями. Для него существует то, что названо, и отсутствует то, что не имеет названия.

Выпалив скороговоркой заготовленную речь, он расслабленно сел на табурет и вытянул вперед руку, которая сжимала маркер.

– Вы знаете, что это за предмет, потому что у него есть название, – продолжил он. – И вы знаете все предметы, которые вас окружают в течение дня, потому что человек раздал им всем соответствующие названия. Но названия даются на разных языках, в одних что-то

есть, в других что-то отсутствует. Если у русскоговорящего человека болит рука, он говорит, что это болит **МЫШЦА** или **КОСТЬ**, и что проблема в них, что надо принять **ТАБЛЕТКУ**. Но когда болит рука у китайца, он говорит, что все дело в том, что поток энергии **ЦИ** изменил свое течение, и что надо применять искусство **ЧЖЕНЬ-ЦЗЮ**, основанное на нумерологии, мифологии, астрологии и зодиакальной системы **ГАНЬЧЖИ**. И чаще всего именно оно лечит болезнь, а не пачка «Пенталгина». Человек с удочкой не может наловить рыбы и объясняет это **МЕТЕОРОЛОГИЕЙ**, а также тем, что у рыб есть определенный **КАЛЕНДАРЬ ПИТАНИЯ**. Но на то же место приходит коренной обитатель севера. Он точно знает, что неулов – дело рук демонов **ЛОЗОВ**. И зная повадки этих «лозов», облавливая приезжих, какими бы дорогими удочками и приспособлениями они не были оснащены. Для него европеец глуп: он говорит о каких угодно причинах неудачи, только не о настоящих. Таким образом, люди, говорящие на других языках, находящиеся в других знаковых системах, кажутся нам дикарями, верящими в разную чушь, а мы кажемся дикарями им...

Человек повернулся к доске, и некоторое время смотрел на схематичного человечка.

– В разных языках предусмотрены разные понятия, и они не всегда соотносятся друг с другом. Умело манипулируя понятиями, можно напрямую заставить человека видеть то, что он до сих пор не замечал, и скрывать от него то, что вы хотите скрыть. Это не обман, не НЛП и не гипноз. Я называю это недокументированными возможностями языка... – Он повернулся к грустному мужчине. – Вы думаете, что видите все, что видит ваш глаз?

– Да, – ответил неуверенно тот.

– А приходилось ли вам, прочитав книгу, поймать себя на мысли, что вы только что услышали такую простую и гениальную идею, что, если бы напряглись, сами бы до нее дошли – и без прочтения этой книги? Что она как бы лежала на поверхности? Что гениальное вообще – это просто!

– Да! – Человек активно закивал головой.

– А не означает ли это, что вы получили те слова, без которых вы эту идею не видели? Так стоит ли удивляться, что полтора века назад правительство Японии отправляло населявшим леса мифическим демонами-тэнгу официальное прошение освободить провинции, через которые проезжал правитель? То, что существует в языке, существует и в реальности, а никак не наоборот!

Человек поднялся с табуретки и указал маркером на дальний конец зала, где в углу сидела некая женщина.

– Вы! Знаете ли вы, что такое жизнь?

– Наверное, – ответила женщина в годах и еще одна девушка, которая решила, что обращаются к ней.

– И вы уверены, что можете отличить нечто живое от чего-то неживого?

– Конечно! – ответила на этот раз одна лишь женщина в углу.

– А вы знаете, что нет никакой жизни? Это случайный феномен языка. За всю историю человечества было выдвинуто несколько десятков теорий, которые должны были объяснить феномен жизни, все они провалились. Нет никакой жизненной энергии, жизненной силы. А на молекулярном уровне живое от неживого вообще ничем не отличается. Углерод, водород, кислород... Или так скажем: липиды, вирусы – это живое или неживое? Где заканчивается живое, а где начинается неживое? Все вещества, которые человек считал исключительно принадлежащими живым, в конце концов, были синтезированы, и даже животных клонировать научились.

– А как же бессмертная душа? – возмутилась женщина.

– Никакой души нет. Нет ничего, что можно было бы выделить, взвесить и описать как душу. Это слово, за которым в природе ничего не стоит. Точно такой же фантом в нашем языке, как и «жизнь».

Женщина нарочито громко вскочила со стула, случайно или умышленно уронив его, схватила сумку и со словами «бесовское ты отродье» покинула зал.

– Есть и более наглядные примеры. Кто-нибудь знает, что такое «раса»?

Стрельцов знал о расах не понаслышке. Иван, как расово озабоченный сторонник превосходства русских, постоянно пытался приобщить своего брата-близнеца к очевидным для него ценностям спасения цивилизации, чистоты крови и корректного распределения рабочих мест среди коренных русских. Поэтому, когда в зале зашелестели рукава поднимаемых рук, к этому звуку добавились и ноты, издаваемые толстовкой Федора.

– Вы уверены? – уточнил человек.

Половина рук в этот момент опустилось.

– Понятие «расы» существует только в европейских языках. Оно выведено из латыни, хотя сама латынь никогда не знала, что такое «раса». Само слово придумал Иммануил Кант. Одни исследователи полагают следом за Жозефом Артюром де Гобино, что расы всего три, другие говорят о десятках рас. Для кого-то кавказец – белая раса, а для кого-то отдельная – кавказиотская. Другие китайцев называют желтой расой, хотя если сделать поправку на загар, их цвет кожи не отличается от кожи представителей белой расы. Четвертые говорят, будто русские – потомки арийцев, но арийцы – выходцы из Индии и Ирана. Их кожа землянистого цвета, глаза карие, а волосы темные. При всем при этом в других культурах нет ничего, что можно было соотнести с понятием «раса». Не является ли раса тем, что отсутствует в природе и присутствует только в человеческом воображении?

– Как это нет расы? – громко, практически на автомате, возмутился Стрельцов.

Своей реакции он удивился, так как точь-в-точь отреагировал как собственный брат. Словно брат возмутился через него, хотя никакого брата тут не было, да и его взгляды Федор никогда не разделял.

– Понятие расы придумано во время великих географических открытий, введено в широкое употребление благодаря лоббизму работорговцев, чтобы обеспечивать трудовыми ресурсами колонии в Новом мире. Для определения различия в расах выбраны совершенно случайные признаки – цвет кожи, форма черепа. Такими же случайными признаками вполне могли быть цвет глаз или длина указательного пальца. Тогда расы делились бы по-другому, мы бы имели бы дело не с желтой, черной или белой расой, а с карей, голубой и серой, а в случае с пальцами – короткой, средней и длинной.

– Но расы же существуют... – неуверенно произнес грузный мужчина.

– Да, они реальны для нас. Также как для японцев реальны птицы-демоны тэнгу... – Он сделал паузу. – Или вот еще. Все мы практически одинаково реагируем на оскорбление, и вроде бы мы едины в этом. Но вот в языке одного из народов Конго есть слово «илунга». Это человек, который легко прощает оскорбление в первый раз, с трудом прощает во второй и никогда не прощает в третий. Теперь, когда мы можем с помощью этого слова выделить определенных людей, то можем уже определять ее как отдельную социальную группу и делать с ними все, что заблагорассудится. Например, подвергнуть дискриминации, начать выявлять их и отказывать им в каких-то правах, можем сказать, что это результат дегенерации, и они подлежат лечению, теорию под это подвести, а потом из мест лечения отправлять на исправительные или терапевтические трудовые работы. Они будут, конечно, недовольны, начнут объединяться и отстаивать свои права, лезть в политику, доказывать, что они тоже такие же. Будет происходить абсолютно то же самое, что и с расовыми группами. Разве нет? Да что я говорю? Разве не так пролезли в политику такие группы как вегетарианцы, экологи и недавно легализованные в Европе педофилы? То есть группы, никогда не имевшие никакого отношения к политике...

На продолжительное время воцарилось молчание. Человек, довольный собой, отошел обратно к табурету, сел в него и принял расслабленную позу.

– Или вот слово «патриотизм», – добавил он. – В русском языке нет слова «патриотизм», и нет ничего, что можно было бы назвать «патриотизмом». Отсюда произрастают казусы. Например, почему «патриотизм», а не «матриотизм», ведь родина – мать. Это слово женского рода. Другими словами, «патриотизм» – слово исключительно романских языков. В других языках и культурах нет ничего подобного. Везде, где это понятие есть, оно заимствовано. И заимствовано не потому что наши предки были глупы и не знали такой вещи как «патриотизм». Нет. Оно заимствовано вместе с европейской формой национального государства, невозможной без патриотизма. И потому патриотизм – не светлое чувство любви к Родине, а всего лишь идеология, как и всякий другой «-изм» в политике.

– Но патриотизм же существует объективно! – неуверенно воскликнула девушка в третьем ряду.

– Да, конечно, – послышалось тихо справа в темноте.

Человек на сцене усмехнулся.

– Теперь вы понимаете, что нет никакой объективной реальности, – произнес он. – Объективная реальность – лишь религиозная доктрина, которая говорит, что объективная реальность есть – и все тут. И мы не можем с ней соприкоснуться. Нам мешают посредники в виде слов. Мы не можем мыслить мыслями. Мы мыслим только словами. Другими способами мы ничего не можем выразить. А если слова первичны по отношению к реальности, то реальность подчиняется словам, а не наоборот.

Он снова поднялся, взял в руки маркер и подошел к доске.

– Если давать человеку новые слова, он может начинать видеть то, что ими называется. Поэтому только человек видит богомоллов, хамелеонов или камуфляжную сеть. У него есть для этих явлений слова. У животных слов нет, поэтому многое для них не существует. Но если отбирать у человека слова, вещи будут пропадать из его восприятия, находясь на виду. Например, вы знаете, кто такая «братаниха»?

Воцарилось молчание.

– Братаниха – жена двоюродного брата, – не затягивая тишину произнес человек. – Но в какой-то момент слово исчезло, а вместе с ним исчез и феномен родства. Теперь для вас человек, который является братанихой – просто чужой человек. А ведь раньше забыть об этом считалось серьезным оскорблением. Точно также исчезли «уйки», «примаки», «ятровки»... Такое сложно забыть, это понятие может исчезнуть только с утратой языка.

– А есть что-то такое, что есть в других языках, а в нашем нет? – уточнил кто-то из зала.

– Полно! Есть такое португальское слово «саудади», – после некоторой паузы ответил человек на сцене. – Примечательно оно тем, что его практически нельзя перевести ни на какой другой язык мира. Не только словом или словосочетанием, но даже пересказом передать его смысл сложно. Португальцы говорят, что «саудади» можно только пережить. Я бы предложил такой перевод: «любовь, которая остаётся, когда предмет любви уходит». Когда португалец говорит «я саудади тебя», это нельзя передать банальным «я скучаю по тебе», но только «без тебя я ощущаю пустоту и грусть, потому что люблю». «Саудади» может быть направлено не только в прошлое, но и в будущее и даже в настоящее. Именно поэтому отпадает такой вариант как «ностальгия», ведь ностальгия – это грусть о прошлом, о невозможности вернуть прошедшие события или вернуться в прежние места. Иногда говорят, что «саудади» это и «ностальгия по будущему». Только подумайте! Ностальгия по тому, чего нет здесь, но, быть может, пребывает где-то или ещё однажды случится. Когда кто-то или что-то... событие, место, обстоятельство, человек... важные для вас сейчас, или в прошлом, или значимые для вас в будущем, отсутствуют теперь, в эту минуту, и вы переживаете это отсутствие как пустоту утраты, но переживаете не болезненно, а горестно и сладко – с надеждой на то, что утрачены они не навсегда и могут вернуться, повториться – это оно и есть!

Конечно же, Стрельцов, как и все в зале предприняли попытку почувствовать саудади, но ни у кого не вышло. И у Стрельцова тоже. Доказательство что надо!

Лектор обошел вокруг доски и снова взглянул на схематичного человечка.

– Теперь я покажу вам фокусы. Начнем с легких... – Он резким движением сорвал с маркера колпачок. – Сейчас этот человечек исчезнет! Вы когда-нибудь видели, как исчезают люди? Да ладно вам! В жизни каждого человека исчезают люди, как только вы забываете их имя! Да-да. Сперва исчезает имя, потом лицо в вашей памяти, а потом вы едете в метро в одном вагоне и не помните друг друга...

Он приложил маркер к доске и внес в рисунок несколько изменений: соединил руку человечка ломаной линией с тазом, ноги между собой вогнутой кверху дугой, провел еще пару линий, – и Федор мог поклясться, что рисунок стал чем-то самостоятельным. Ничего из того, что было на доске, уже не напоминало о том, что там когда-то был нарисован человечек. Даже линии его прежней фигуры оказалось сложно опознать.

– Что это? – спросил ведущий.

– Абракадабра какая-то... – произнес подвыпивший старичок в дальнем углу комнаты. Кто-то рассмеялся.

На доске действительно было начертано что-то странное, ни на что не похожее. Стрельцов постарался вглядеться пристальнее, но не мог ничего разглядеть в нагромождении линий. Он даже поймал себя на мысли, что пытается снова «воскресить» рисунок человечка.

– А что если я скажу, что это птичка?

Федор снова бросил взгляд на доску. Это же очевидно! Треугольник плечо-кисть-таз превратилось в крыло, соединенные ноги в хвост. В его сознании проступили перья, клюв и все остальное, что наличествует у птиц. В какой-то момент он даже забыл, что ничего не мог разглядеть на доске.

– Могу поклясться, что еще секунду назад вы не видели здесь никакой птицы... – насмешливо произнес человек.

От этого простого фокуса сердце Стрельцова заколотилось сильнее. Невозможно так точно знать, о чем думает человек! Что-то внутри него сопротивлялось, хотелось встать, назвать все это жульничеством и покинуть зал, но что-то останавливало его сделать это. Сознание подсказывало, что дальше будет что-то совсем невероятное, выходящее за рамки понимания и разума, что-то что... докажет его собственную ничтожность? Нет такого слова для определения состояния, когда ты порываешься уйти, но останавливаешь себя, потому что ожидаешь получить невероятный опыт!

– Я знаю, вы сейчас выбираете между тем, чтобы уйти и тем, что остаться, верно? – снова пошутил человек.

Федор почувствовал, как болят зубы. Он сам не заметил, как стиснул их изо всех сил. Делая значительное усилие, он разжал челюсти и попробовал расслабиться. Ему удалось сделать это с некоторым трудом.

– Теперь вам должно быть понятно, с чем сталкивались простые люди, не посвященные в истинные возможности языка, когда видели, как колдуны прошлого убивали словом, вылечивали ими тяжелые болезни, разрушали горы и поджигали города. Заклинание – это иносказание для такого мастерского владения формами слова, что она превращается в форму мысли. И это очень опасный инструмент. Произнеси я что-то не так, и у вас может умереть кто-то из родственников. – Он озорно прищурился. – Конечно же, это шутка... хотя...

Кто-то в третьем ряду похлопал тихо в ладоши, кто-то облегченно вздохнул. В целом же те немногие пятнадцать человек, что представляли аудиторию, зачарованно смотрели на него, затаив дыхание. Это явно большее, чем то, что они хотели найти, следуя незатейливому указателю на двери ДК.

– Это чудо, – пробормотала девица, что сидела у самого окна.

– Нееееет, – произнес человек, надев на маркер колпачок и отложив его в сторону, – Сейчас я покажу вам самые настоящие чудеса металанга, которые вы никогда не забудете...

Федор никогда не был суеверным и дремучим, какими он считал большинство населения планеты. Но когда все закончилось, он был абсолютно уверен, что видел, как человек левитировал, заставлял предметы исчезать и появляться, превращал неблагородные металлы в благородные, угадывал прошлое и предсказывал судьбу, фактически не вставая со своего табурета.

Когда Стрельцов покидал зал, он пытался отобъясниться от увиденного, избавиться путем объяснения. Он внушал себе, что увиденное объясняется ботулизмом от съеденной утром сгущенки, потом проявившимся бешенством после укуса Кнопы, а затем и коллективным помешательством. Причем версии о природе их помешательства казались одна другой нелепее. Это оставалось фактом: сознание бунтовало против того, для чего не находилось подходящего объяснения, или, как сказал бы тот человек, для которого не было подходящего слова. «Магия», «жульничество», «квантовая реальность» – слова, что он перебирал в голове, казались в высшей мере неубедительными, нагруженными дополнительными ненужными смыслами и вульгарными для того тонкого и изящного искусства, которое продемонстрировал этот... кудесник?

Только это слово, случайно оброненное два часа назад кавказцами, было не обременено всякой похабщиной, искажающей смысл чудесного.

Размышляя об увиденном, Стрельцов даже не почувствовал сигнал смартфона. Не торопясь, словно его сознание обрабатывало подобно двудерному процессору большой объем невидимой информации, он достал трубку и взглянул на монитор. На нем красовалась бородавчатая физиономия соседки Зои Николаевны, улыбающаяся полупустым ртом.

Он нажал на кнопку и поднес смартфон к уху.

– Здравствуйте, Зоя Николаевна...

– Добрый день, – послышался незнакомый мужской голос, – с вами говорит врач бригады скорой помощи. Ваша мать... сожалею... она умерла...

На заднем фоне слышались причитания соседки, плавно переходящие по тональности в помехи на линии.

Перегруженный мозг Федора плохо соображал, что происходит. Он разглядывал собственные ботинки и пытался разобраться в своих ощущениях, найти в себе какие-то эмоции, но не находил их. Это казалось очень странным, ведь обычно что-то заставляет людей рыдать, паниковать. Или это всего-лишь ритуалы? Но подсказки для этих ритуалов не разбросаны по асфальту. Расшатанное лекцией сознание концентрировалось на каких-то мелочах: пыли на земле, сжатом в руке мокром от пота смартфоне, прохладном ветре, обдувающим лицо. Оно настойчиво избегало думать о главных вещах.

В какой-то момент его затрясло, инстинктивно, судорожно, а в голове вспыхнули слова человека со сцены. Он вспомнил их словно слышит их сейчас, словно именно в эту секунду звучит его хрипловатый голос: «Произнеси я что-то не так, и у вас может умереть кто-то из родственников».

Не разобравшись в себе, не выяснив для себя то, что он испытывает на самом деле, он сунул смартфон в карман и бегом направился назад: дом культуры, коридор, лестница, поворот. Та же комната, только светлая, с обшарпанными стенами, одернутыми шторами и стульями, суматошно приставленными к стенкам, среди которых паслась полная женщина с ведром и шваброй. Или не та? Ничего общего! Словно магия и законы другого мира покинули это место, погрузив все в грустную обыденность и симуляцию. Храм без богов.

– Чего забыл, окаянный?

Стрельцов зашел на территорию сцены. Табурет и доску уже унесли, зато вокруг блестели лужи, в которых отражался верхний свет от люстр-кнопок.

Оглянувшись, он увидел второй выход, ведущий в другой, узкий коридорчик, где не горело лампочек, но можно разглядеть приставленные к стенкам афиши, плакаты, стенды для других выступлений и мероприятий.

Впадая то в отчаяние, то в гнев, то в восторг, Федор рванул к черному выходу, но оттуда в ту же секунду, словно из мрака подземелий, вынырнул низкорослый, физически развитый охранник в синей униформе и бородой. Этот гном косым взглядом окинул Стрельцова и перегородил проход в узкий коридор.

– Куда направляемся? – гаркнул он по-военному резко и отрезвляюще.

– Мне нужен тот человек...

– Какой еще человек? Нет тут никакого человека!

– Тот, что здесь выступал!

– Молодой человек, что вы мне голову морочите? – рявкнул охранник. – Идите домой, проспите! Пьяный вон, шатаешься...

Федор попытался оттолкнуть охранника и войти в коридор, но тот оказался гораздо проворнее, и не только не уступил Федору, но и вытолкал его за границы сцены, в зал, который еще пятнадцать минут назад был темным – для «разговоров о языке».

– Да ты что, не понимаешь, псина! У меня мать умерла! – Еще до того, как произнести эту фразу, он подумал, что она не является аргументом ни для чего, но остановиться уже не мог.

– Это-то здесь причем?..

В ту же секунду в голове у Федора Стрельцова словно сработал какой-то аварийный механизм. Руки его перестали слушаться, все сознание, помутившееся туманом и мороком, перестало различать где право, а где лево. Не то он заорал, не то заплакал, не то потерял сознание. Но он уже ничего не соображал. Защемило сердце, острая боль, словно от удара молотом по груди, отразилась в руке, затем в спине. И не находилось никакого выхода из этого страшного неконтролируемого состояния.

Он понял, что пребывает в сознании лишь тогда, когда отнял от лица мокрые руки. Пальцы тряслись и плохо слушались. Сжать в кулак у него с первого раза не получилось. Звенящая пустота в голове. Нет, кое-что он помнил: про мать, про лекцию, даже про то, что должен был сделать уколы от бешенства. Но все это казалось сном или даже бредом, не имеющим никакого отношения к его теперешнему состоянию. Так же как компьютерная игра не имеет отношения к действительности.

Он находился на ступеньках Дома культуры. Ровно там, где и услышал от врачей о смерти матери.

– ...да ты пойми, не я это решаю! – продолжал охранник, находящийся поблизости. – Это не я решаю, кто куда может пройти. Выступления организует местная ячейка КПЦ. Это тебе не кот начхал. Не лезь в это дело, а то хуже будет. Сам я ничего не решаю, просто послушай дельного совета. Если туда сунешься со своими претензиями, упекут с концами и все...

Собравшись с силами, Стрельцов отмахнулся от охранника и направился было в сторону метро, как услышал новый звук. Он шел из-за угла ДК. Забыв о своей цели, он с интересом заглянул за угол и нашел там ту самую девушку из третьего ряда, которая всхлипывала, сидя на грязном бетонном блоке, оставшемся, видимо, послеремонченным от Дома культуры.

С виду она выглядела весьма мило: темные длинные кудри, миловидное личико. По возрасту – может, чуть младше Стрельцова. Она долгое время плакала, оттого ее глаза припухли, и руки тряслись. Почти как у него самого.

Она не сразу заметила его приближения и продолжала что-то бессвязно говорить, продолжая давно начатый диалог с самой собой. Лишь когда он приблизился достаточно, чтобы взять ее руку в свои, она подняла на него глаза и долго смотрела, словно чуть в сторону, как бы заглядывая за спину, а потом сфокусировала взгляд на нем и одернула руку.

– Кто вы?

– Все в порядке. Я был на встрече. Что-то случилось?

– Папа... – тихо произнесла она.

Не надо долго расспрашивать, чтобы понять. Видимо, ее отец тоже скончался во время мероприятия, и она узнала об этом только сейчас.

– И у меня... мать... – произнес он.

Разум продолжал бороться с ощущением иллюзии происходящего. Мозгом он понимал, что матери больше нет, но где-то там, в другой половине мозга, хранилась надежда на то, что это какая-то зловещая шутка, прикол, бесчеловечная месть Зои Николаевны за то, что он пнул коту, которого та прикармливала во дворе.

Он вынул из кармана смартфон и набрал номер соседки, но та не взяла трубку. Он сбросил, попробовал еще. И в этот раз никто не ответил.

– Как тебя зовут? – неожиданно для себя спросил Федор.

– Елена...

– Елена?

– Серебренникова...

Представившись, Стрельцов продолжал на автомате задавать вопросы о ее профессии, любимой музыке, любимых способах убить свободное время, есть ли сестры и братья, где учится, кем работает, что делает в субботу. Она отвечала уклончиво и пыталась отвяжаться от него, но Федор вел себя достаточно напористо, выуживая фактологическую информацию.

Он всегда так делал, когда знакомился с девушкой. Отработанный годами конвенционный механизм типовых знакомств. И сейчас, в ситуации настолько неподходящей для этого, он спасал его от тяжких мыслей.

Планы пошли насмарку. Ни больницы, ни уколов, ни возвращения домой, хотя именно сейчас ситуация требовала его присутствия. Он попал в какую-то сказку, полную загадок, но гусеница, пыхающая кальяном, еще не показала себя. Сознание требовало от него определить все неизвестные, а тело подсказывало – беги. Но бежать уже слишком поздно.

– Нам надо разобраться с этим, – произнес он успокаивающе. – Помнишь, что он сказал? Что родственники могут погибнуть. Он все знал. Он все предвидел наперед.

Она послушно кивала головой, а руки прижимала к груди.

– Это не совпадение...

– Нет, – прошептала она.

– Охранник говорил что-то про партию. Что их местное отделение проводит такие мероприятия. И если кто-то знает этого человека, то мы найдем его там.

Она кивнула в знак согласия.

– Хватит сидеть на камнях!

Она медленно сползла с плиты, и они вместе направились в сторону, противоположную Инфекционной клинической больнице №3.

Глава Б. Партийность бытия

Когда все разошлись, стало не так душно.

Федор расстегнул верхнюю пуговицу и потянул воротник. Хотя семья уже освободилась от основной массы похоронных хлопот и полным ходом проводила поминки, мысли Федора о том, кого он винил в произошедшем, никак не выглавливались наружу. Он считал это странным, так как сам он был ближе всех к матери, но именно сейчас не чувствовал внутри себя абсолютно ничего. Ни боли утраты, ни сожаления, ни скорби по ушедшей. Называя это переутомлением, он как бы даже оправдывал себя.

Отец, до сих пор общительный и разговорчивый, замкнулся в себе. Даже сейчас, когда ушли последние гости, он сидел в углу и продолжал выжимать бутылку коньяка, не торопясь наполняя и опустошая крохотную рюмочку. Иван сидел напротив Федора, одетый не по случаю в широкую куртку-бомбер, синие грязные джинсы и клетчатую рубашку с блямбой малоизвестной английской фирмы на кармане. На его лице отражалась динамика мысли, хотя и не сказать, что богатая. Глаз украшал здоровенный фиолетовый синяк, о котором гости не расспрашивали разве что из чувства такта.

– А это откуда? – Федор поводил рукой в воздухе напротив своего левого глаза.

– Фингал что ли? – уточнил брат-близнец. – Да за герцогиню на забиве впряглись с ультрасами из динамиков. Одна падла аргументом приложила, до сих пор челюсть хрустит...

Иван отложил в сторону вилку из столового серебра, потянулся к бутылке водки, полной только наполовину, и не наливая в стакан, отхлебнул прямо из горла.

– А ты какую-то бабу нашел?

– Откуда ты это?..

– Вчера приходила. Сначала на шею кинулась, потом начала молоть что-то про акабов, что надо телегу писать, ехать в ментовку. В общем, я ей доступно объяснил, что она попутала, и что по мусарням шататься русской бабе немазёво.

– Лапал опять?

Иван допил залпом оставшееся содержимое бутылки, а потом приставил ее к подбитому глазу как подзорную трубу, и посмотрел через нее на Федора.

– Ага...

– Охренеть...

Несмотря на то, что поминки тянулись практически весь день, Федор так и не прикоснулся к еде. Только сейчас, разглядывая салат, он понял насколько устал за ту неделю, что прошла после печальных известий. Но еда все равно не лезла в рот. Шутки ради можно даже человека нанять, чтобы доел все салаты после застолья. Триста рублей за тарелку. А что?

Инфаркт – нередкое явление для пятидесятидвухлетней женщины, но смерть от инфаркта просто не укладывалась у него в голову. Особенно после таких случайных и пугающих пророчеств, с которыми он столкнулся в ДК. Для всей родни смерть Ирины Стрельцовой оказалась громом среди ясного неба, но только не для него. И только для него она виделась не только чем-то немислимым, но и неизбежным.

Он достал из кармана небольшой планшетик, не многим крупнее смартфона, на котором помимо серебряного яблока отображалась надпись «iSecretary». Их еще называли «айсеками». Нейронная сеть с характером и свойствами друга, которая не подведет. Так их позиционировали, когда выпустили на рынок. Хотел сперва спросить устройство насчет этого, а потом тут же убрал в карман.

– Карманный секретарь, который от швабры остался? – уточнил брат.

– Да. Больше мне ничего не надо.

– А больше ничего и нет, – добавил брат. – Еще книга была – «Кризис реализма». На нее кот насрал. Лежит сейчас в ванной, на змеевике сохнет.

Иван одобряюще и понимающе кивнул. Он-то никогда не интересовался гаджетами, так как в драках разбил не один телефон. В том числе и об чей-то жбан.

– Я знаю кто ее убил... – произнес Федор тихо, чтобы слышал только брат-близнец.

– Это инфаркт был, дубина!

– Да нет же... Я тут встретил одного человека. Он делал невероятные вещи...

Иван положил бутылку на бок на стол, а сверху расправленную ладонь, и, несколько скупая, принялся катать ее туда-сюда по столу.

– Матрёна говорила, что, когда мы родились, все мозги достались тебе, а мускулы мне. Теперь чего-то я начал сомневаться... – Иван поставил бутылку на донышко и отодвинул подальше от себя. – Я тебе как русский человек русскому человеку говорю. Русским языком опять же. Инфаркт это был. Это когда в натуре никто не виноват. Бывает, короче. Это когда основа мутки на пересечении устраивает, там бывают сходняки с говном, и, если кого постелят, во тогда да, есть чувак, которому мусора руки крутят и – в обезьянник. Это я понимаю. Но тут-то долбанный инфаркт, Федя!

Федор пожал плечами. Обсуждать что-то далее Иван явно не настроился. С братом он давно утратил общий язык, и их непродолжительные раунды общения ограничивались домашними посиделками и какими-то церемониальными случаями вроде дня рождения или подобного траура. В остальные дни они жили в разных комнатах за закрытыми дверями, не делились никакими новостями, покидали и возвращались домой в разное время.

– Чего с колтуном делать будем? – Иван кивнул в сторону отца.

Тот после очередного приема вглядывался в полупрозрачную муть стекла, пытаясь определить на глаз оставшийся объем. После последней победы над зеленым змеем прошло больше трех лет, и теперь все труды снова оказались насмарку.

– Предлагаю вызвать скорую помощь, – подал голос iSec.

Федор отмахнулся и от устройства и от брата с его вопросами, встал из-за стола и направился через коридор мимо комнаты брата в ванную. Включив воду похолоднее, он набрал побольше в ладони и поднес к лицу. Обмякшее от водки лицо плохо ощущало температуру.

– А вам не мешает яблочный сок, – добавило устройство.

– Новости лучше скачай...

– Сегодня опять по всем каналам сообщение о троллях, которые сорвали передачу на «Первом канале». Хотите посмотреть?

– Не сейчас...

Вскоре ощущения вернулись, а в голове немного прояснилось.

Когда он отнял руки от лица, то увидел свое отражение в банном зеркале. Никаких сомнений не оставалось, это лицо жертвы из второсортных голливудских фильмов в духе survival hoghog. «Вот что они с нами делают, твари!» – пронеслось в голове Федора. Как бы соглашаясь со своей первой мыслью, рожденной подсознанием, он грустно улыбнулся и ткнул указательным пальцем в свое отражение в зеркальном серебре.

– Ну уж нет... – произнес он вслух. – Так дело не пойдет! Страну развалили, и за нас взялись!..

В нагрудном кармане телефона не оказалось. Сопrotивляясь опьянению, Стрельцов напряг память и вспомнил-таки, что забыл смартфон на кухонном столе, когда готовил салаты и закуски. Превозмогая расслабленность и лень, он направился вдоль стены на кухню, где нашел коммуникатор в уже почти разряженном состоянии. Со второй попытки он нашел телефон Елены и позвонил.

Девушки никогда не любили, когда он звонил им пьяным, но это был не тот случай, когда стоило соблюдать видимую трезвость.

– Алло... – послушалось тихо на том конце.

– Лена, привет. Это Федор.

– Привет, Федя...

– Я за прошедшую неделю все обстоятельно взвесил и решил действовать. Это все случилось не просто так, во всем есть план... Я думаю найти этого человека со сцены и выбить из него все. Если не сам, то брат поможет... Он тогда говорил об этом, что родственники могут умереть. Не просто так он, короче, это сказал, я знаю! – На какой-то момент ему показалось, что он много болтает, но остановиться оказалось уже не в его силах. – С этим надо разобраться. Мне охранник говорил, что за все платила партия. Я пойду в их отделение, пораспрашиваю, прикинусь шлангом. Они же не могут не знать где он и что...

– Федя! – оборвала его Елена. – Это чушь. Никто не может убить человека, которого даже и в глаза не видел. Ты послушай себя. Ты пьян что ли? Что это за пьяный бред? Куда ты пойдешь в таком состоянии?

– Но ты же брату совсем другое говорила! Что надо заявление в милицию писать!

– А, этой обезьяне? Я была не в себе, поддалась чувствам, так же как ты сейчас... Теперь головой думаю. Ерунда это все какая-то.

– Какая-то?!

– Стечение обстоятельств, – пробубнила она, словно сама не верила в то, что говорила. – Так не бывает, как ты описываешь... Да и зачем ему это делать, сам подумай! Он же тебя не ограбил, да и вряд ли против твоей матери имел что-то личное...

Федор отнял нагретую трубку от покрасневшего уха и приложил ее к другому.

– Послушай, это могло быть... как они называют?... «Убийство по неосторожности»! Да ты сама все видела, эти люди все что угодно могут. Черт знает, что они могли задумать!

Елена несколько секунд молчала прежде чем ответить.

– Прости... Я совсем не в настроении обсуждать твои фантазии...

Она положила трубку. Они всегда так делают, когда говоришь им лишнее.

– Еще начался сбор подписей за выдвижение Никиты Воротилова в президенты. Я в закладки положу, потом посмотрите, – добавил не в тему iSec.

– Давай на «ты»? – предложил Федор.

– Полностью согласен...

– Тогда заткнись!

Федор вышел со своего смартфона в Интернет и принялся искать на официальном сайте Консервативной партии Центра список первичных ячеек, связанных с Домом культуры. Вскоре ему это удалось: на домашней странице одного из местных отделений выпал целый список проектов и мероприятий, где адресом указывался ДК. Никаких «разговоров о языке», он там, правда, не нашел, как, впрочем, и любых других мероприятий в тот самый день и в то самое время. Но это оказалась та самая ячейка, и приемный день у нее – понедельник.

– Завтра...

Не успел Стрельцов выйти из Интернета, как его прервал звонок Дениса.

– Тебя в универе все потеряли, ты где пропадаешь? – начал Мешков без приветствий и подготовки.

– Слышь, у меня мать вообще-то умерла, ничё, а?!

Денис на секунду смолк, а потом, кашлянув, переменялся в голосе.

– Соболезную... Ну, то есть на самом деле соболезную. Я не знал. Да и никто не знал. Мог бы в известность поставить. А то тут уже тебя в список на отчисление поставили. Я поговорил со старостой, она попробует решить вопрос, пока ты там делами всеми этими занят...

– Да все нормально. Тут другое. Есть кое-что, что я хотел бы с тобой обсудить, но со всеми этими делами забыл совсем.

– Валяй!

– Что ты знаешь про «разговоры»?

– Какие еще разговоры?

– «Разговоры о языке», там, где мы с тобой последний раз пересеклись. Ты знаешь кто это проводит, как его зовут, где он работает? Мне тема кажется очень интересной, хотел бы узнать поподробнее.

Денис сдержанно рассмеялся, но вскоре смолк, понимая, что это не по случаю.

– А что такое? – уточнил он. – Metallургия тебя больше не привлекает?

– Да как сказать... Я думал, что знаю из чего устроен этот мир, но теперь понимаю, что наш МИСиС нихрена не подготовил меня к тому, как жить. Я после лекции понял, что вообще ничего не знаю... Ну ты понимаешь? Об обществе, о людях...

– А-а-а-а... Произвел он на тебя впечатление, – лукаво, насколько это было прилично, произнес Мешков. – Да, я тоже с открытым ртом слушал.

– Ну так что?

– Я был на встречах всего три раза. Подготовительные, как я понял, раз в месяц проходят. Для тех, кому интересно, попадают в небольшие группы по десять-пятнадцать человек. Я попал в одну, там много говорили о том, какие проблемы у современного русского языка, что-то про лингвистические развалины, знак и значение, и что надо делать, чтобы вернуть языку бывшее могущество, ну и страну возродить. Я так это понял. А на вторую встречу в этой группе я не попал, мать тяжело заболела, пришлось по врачам ее таскать. Ну и меня исключили, восстанавливался. – В голосе Мешкова чувствовалось изрядное, почти нарочитое сожаление. – И вот я решил снова записаться с нуля в новую группу. Но в принципе можем попросить, чтобы нас в одну зачислили...

Федор, чтобы не забыть, взял на столе авторучку и салфетку, и быстро, пока еще помнил, параллельно записал адрес местного отделения КПЦ. Ждать – это слишком долго, но о конспирации он решил пока не задумываться и попробовать раскрутить все дело нахрапом – без какого-либо плана и подготовки.

– Ты знаешь, я думаю сам на него выйти. Наверняка оценит инициативу...

– В смысле?

– Да завтра пойду в партию и разузнаю поподробнее где он преподает, чего делает, чем занимается, как зовут. Я ведь так поражен был, что даже имени не спросил...

– Кстати, я тоже... странно...

– Вот именно! И тебе предлагаю пойти со мной. Есть завтра время часа в четыре?

Из трубки донесся еле слышный шорох ежедневника. Мешков считался наиболее пунктуальным из всех его знакомых, и очень гордился этим своим качеством. Именно поэтому если он начинал дело, то решительно выделял под это соответствующее время, а если собирался на встречу, то в заранее отведенный и запланированный час. Должно быть, именно поэтому его никто не мог вытащить на случайные посиделки с пивом и девушками, а сам Стрельцов с многочисленными оговорками относил его к списку своих друзей.

– Думаю, это реально, – наконец-то произнес Денис.

– Отлично! А я уже и адрес узнал!

Обменявшись с приятелем традиционными прощаниями, Федор положил трубку и направился уже уверенной походкой обратно в комнату, где остались брат и отец.

Над траурным столом никаких изменений за время его отсутствия не произошло. Брат сидел все в той же расслабленной позе, покачиваясь на задних ножках стула, ставя на ребро пробку из-под водки и легким щелчком пальцев заставляя ее вращаться, а отец, отложив в сторону пустую бутылку, развалился на диване, закинув ноги на спинку.

– Ты в универ-то ходить начнешь? – спросил Иван, лишь только Федор переступил порог комнаты. – Бакланишь уже полмесяца.

– Я хоть до четвертого курса доучился.

Иван поступал вместе с Федором на тот же факультет, а по ЕГЭ даже набрал больше баллов, чем близнец, но бросил на первом же курсе, когда следовало начать писать курсовую по металлургическому легированию. Впрочем, то, что он бросит вуз стало понятно еще когда преподаватель начал рассказывать про сталь Гарфилда и современную линейку быстрорежущих сталей.

– Да забей, чувак. Все, что мне надо знать по жизни о металле, – Иван сжал кулак, а потом оттопырил большой, указательный палец и мизинец, – я уже знаю!

Федор пожал плечами, стараясь избежать ответа. Он подошел к столу, поднял тарелку с небольшими бутербродами, какие мама очень любила делать, и принялся есть их по одному. Благо гости почти к ним не притронулись.

В этот момент в себя пришел отец. Он оторвал взлохмаченную голову от ручки дивана, огляделся, словно обнаружил себя в неизвестном ему доселе месте, и, сфокусировав взгляд то на одном своем сыне, то на другом, шумно опустил голову обратно на мягкую диванную ручку.

– Чет у меня в глазах двоится...

– Так нас двое, йопт! – ответил ему Иван.

Александр Емельянович пропустил это мимо ушей.

– Я вам рассказывал, как мы с семьей уезжали из Тарту, когда в девяностых страна развалилась? – произнес он медленно, так как знал свою способность коверкать до неузнаваемости слова в нетрезвом состоянии.

– Тысячу раз рассказывал, – ответил Федор. – Может уже хватит тебе?..

– Да забей, – перебил его Иван. – Пусть болтает, сопли наматывает. Ему от этого легче становится. – Он повернулся к отцу. – Давай-давай, тринди...

Александр Емельянович неловко повернулся на бок, задев рукой ровно стоящую бутылку из-под коньяка и свесившись с дивана, от чего еще долго не мог обрести равновесие. Потом он все же приложился ухом к диванной ручке, крепко вцепился в нее руками, словно на мгновение вспомнил те дни, распад Советского Союза, русские погромы в Эстонии, спешку, с которой приходилось собираться, уезжать в чужую страну. А потом облегченно выдохнул и тут же следом рыгнул.

– Все началось в восемьдесят восьмом, – затянул он свою старую пластинку, – Мне тогда было как вам сейчас – двадцать два года. Ну, я уже отдельно тогда жил, учился на кафедре русской литературы Тартуского университета. Заканчивал учиться. Они тогда создавали Народный фронт. В то время все это делали – и на Украине, и в других странах. Они говорили, что отделяться не собираются, и что только поддерживают перестройку. Это я теперь понимаю, что они никогда не хотели быть вместе в одном Союзе. – Отец слегка сполз с дивана, но от окончательного падения его удерживала подушка и упор рукой, который он как-то подсознательно принял. – Уже через полгода в Таллинне началась «Поющая революция».

Мне тогда родители из Таллина позвонили и сказали, что молодежь объединяется вокруг нацистских символов и готовится выдворять из страны русских. Они их называли «оккупантами». Да и мне тогда тоже было нелегко, по вузам и общежитиям ходили патрули, как сейчас агитаторы ходят перед выборами. Еще звучали разговоры о том, что Эстония станет независимой, а нашу кафедру закроют, так как мы пропагандируем язык оккупантов.

После провокации в девяностом, когда русские Эстонии ворвались на территорию Верховного Совета, стало понятно, что мы вне закона. Нас очень быстро сделали врагами нации. Я уже два года как вуз закончил, работал преподавателем, готовился на третий поступать в аспирантуру. Уже тогда нельзя было найти нормальной работы для русских, не то что по моей специальности. Это случилось в мае. Я гостил у родителей в столице. Отец тогда во время обеда поднялся из-за стола, подумал немного, и говорит: «Все, дальше тут житья не будет, надо уезжать». В тот же вечер мы собрали вещи, кое-какие деньги – и переехали в дом наших родственников под Самарой. А через год Эстония стала независимой...

– История очень кстати, – проворчал Федор.

Александр Емельянович утратил остатки сил и окончательно съехал на красный выцветший ковер, постеленный на полу, где уже лежала пустая бутылка, тапки и белый длинношерстый кот по прозвищу Ельцин. Такой толстый, с морбидным ожирением, словно дважды кастрированный.

Федор, неожиданно ощутивший всю усталость, скопившуюся за день – с утра, когда готовились к отправке гроба в крематорий, до последнего гостя – и сам захотел бы свалиться где-нибудь в углу и проспять сутки. Но сил не оставалось. Он продолжал сидеть за столом, поставив на стол кулак на кулак и упершись в них лбом. Иван же продолжал беспорядочно двигать по столу тарелки и графины, думая о чем-то своем, как всегда подозрительно бессмысленном. И это отражалось на его лице.

Отделение партии располагалось в том же здании, что и районная приемная, участковая избирательная комиссия и муниципальное образование. Впрочем, сращивание власти на всех уровнях с партийной структурой, этакий постсоветский раритет, – обычное явление в этой стране. Некоторые видели в этом даже решение по ТРИЗ с точки зрения оптимизации управления государством.

Отдельный вход со двора, выложенный плиткой. После шестой ступеньки крыльца небольшая площадка и массивная деревянная дверь, вокруг которой висело шесть разного размера табличек, самая крупнейшая из которых гласила: «Консервативная партия Центра (КПЦ), приемный пункт по работе с жалобами и обращениями населения». Все это выглядело красиво и контрастировало со вторым этажом здания, которое давно не подвергалось косметическому ремонту. Справа от входа газон, обнесенный предупреждающей красно-белой полиэтиленовой пленкой: с крыши регулярно падали обломки кирпича, чьи куски валялись тут во множестве.

На стене – панель для районной газеты. На выцветших листах обсуждалось сколько район собрал гуманитарной помощи для жителей непризнанной республики Черноруссия, сколько оппозиционеры из «Наблюдателя» украли, когда Воротилов был советником губернатора, да о том, что вашингтонские ястребы виноваты в кризисе на Шри-Ланке. Излюбленные темы эпохи нового застоя.

Стрельцов и Мешков переглянулись. Денис пожал плечами, хотя Федор хотел сделать это первым.

Идея искать лектора из ДК здесь уже не выглядела так заманчиво, как два дня назад. Но если идти до конца, то начинать этот сложный путь необходимо в этом месте.

Стрельцов отворил дверь и шагнул внутрь. Вскоре они вдвоем оказались внутри просторного, хорошо отремонтированного и чистого помещения, которое к тому же охлаждали кондиционеры. Приемная находилась прямо по коридору, и возле заветной двери уже сидело шестеро просителей пенсионного и постпенсионного возраста. Двери справа, как понял Федор, принадлежали муниципальному объединению, а слева отданы под офисные нужды КПЦ. Из дверей справа постоянно выходили какие-то люди, они заходили в двери слева, чтобы в скором времени снова вернуться в правые двери – бесконечным потоком перекабинечиваясь туда-сюда. Все они выглядели по-деловому. Когда же открывались эти двери, можно было уловить то шум клавиатуры, то печать принтеров, а то и вырванные из контекста фразы вроде: «Семенову передайте в УИК чтобы оформил протокол до вечера, а то потом неудобно будет перед проверяющим из территориальной...» или «Объясните, как эта процедура увязывается с новым ФЗ? А, понял, там министр отдельный подзаконный акт подписывал. Все, понял...».

В одном из кабинетов, дверь которого приоткрылась, играло радио. Передавали какое-то ток-шоу, одно из тех «новых форматов», которые расплодилось как раз перед выборами. Все знали, что так обходят учет средств, выделенных на предвыборную кампанию. Особенно сейчас, за два месяца до официального старта предвыборной кампании. Помимо официальных

трат многие кандидаты предпочитают приплачивать участие в ток-шоу, чтобы те доносили его позицию. Это не считалось политической рекламой, хотя и являлось ею. Ну а ведущие и продюсеры всегда рады заработать на лживой популярности кандидатов.

Выступал как раз один из них. Вроде бы он хотел внести изменения в конституцию, так как считался оппозиционером и выступал против власти, чья мощь держалась на ее незыблемости. Видимо, он считал остроумным шатать основы власти в надежде получить свои полтора процента узнаваемости.

– ... а мы снова в студии «Серебряного дождя» обсуждаем назревающую конституционную реформу, – произнес широко известный ведущих Владимир Петухов. – С нами вместе кандидат в президенты Михаил Порохов и председатель недавно созданного Конституционного собрания, бывший депутат Государственной думы от партии КПЦ, Игорь Травин. И, кстати, у нас есть звонок. Слушаем...

Раздалось тихое шипение.

– Здравствуйте, меня зовут Иван, я из Хабаровска. Я простой парень, мой папа – милиционер... Скажите, вот вы собираетесь менять конституцию, а что для вас вообще конституция? Это как «constantia» – незыблемое состояние чего-то, причина для всего остального, или как «конституция человека» – то, что оценивается по факту? Но тогда это последствие, а не причина, и первичен сговор, который конституция уже конституирует, закрепляет...

Звонящий, судя по интонации, хотел развить свою мысль дальше, но его, видимо, специально оборвали.

– Да, спасибо Иван, – продолжил ведущий. – Странные вопросы задают нам последнее время наши граждане... Да, и все же: конституция, по-вашему, это причина или следствие? Отсюда и понятно, можно и стоит ли ее менять...

Следующий, кто вышел из кабинета, закрыл за собой дверь, и звуки радио стихли.

Не особо торопясь, Федор и Денис направились в сторону приемной. В какой-то момент из двери справа вышла женщина средних лет в темном костюме поверх легкой кофты и стянутым на затылке пучком волос. Когда они поравнялись, она неожиданно развернулась и тронула Федора за плечо.

– Это вы в сто седьмой? – уточнила она.

Видимо, они настолько не походили на обычных просителей, что у сотрудницы и в голову не могло прийти, что Федор и Денис сейчас примкнут к этой скромной очереди.

– Не, не совсем... – замешкался Денис.

– Мы по поводу встреч, которые КПЦ проводит в Доме культуры, – пояснил Федор.

– В нашем что ли? А, это вам к Михаилу Афанасьевичу...

– А кто это?

– По связям с общественными и бюджетными организациями... – Женщина указала пальцем дальше по коридору, а потом изогнула палец крючком, намекая, что им – во вторую дверь справа.

Кивком поблагодарив ее, Федор направился к партийному функционеру. Денис на секунду замешкался, а потом последовал за ним.

Михаил Афанасьевич оказался невысоким грузным человеком с тонкой полоской усов и длинными ладонями, каких обычно не показывают по телевизору. В тот момент, когда Федор и Денис попали в его кабинет, он что-то набирал на компьютере, тыкая двумя указательными пальцами в клавиатуру и разглядывая экран после каждой напечатанной буквы. Глаза его живо скользили по экрану, словно он каждый раз терял то место, где находился курсор, а когда они находили пульсирующую вертикальную черточку, радовался как ребенок, широко улыбаясь, почти смеясь.

Не обращая внимания на посетителей, он жестом пригласил их сесть на стулья и еще некоторое время продолжал что-то набирать. Когда он закончил, с облегчением отпил кофе из кружки, что стояла возле клавиатуры, и повернулся к гостям.

– Вы из «младоцентриат»? Да-да, мне звонили из центрального комитета, просили помочь с грантами в обход конкурса...

Михаил Афанасьевич отставил в сторону кружку и повернулся на своем вращающемся офисном кресле к небольшому комоду, где располагались стойки с бумагами, и принялся выискивать в них что-то, что обещал активистам молодежной организации при правящей партии.

– Нет-нет, вы нас неправильно поняли, – поспешил исправить недоразумение Федор. – Мы просто живем здесь, в этом районе. Хотели бы узнать подробнее о встречах, которые проводит партия.

– Встречи? – Партийный функционер поморщился. – Я вас не очень понимаю...

– Встречи в ДК. По поводу русского языка.

– «Разговоры о языке», по вторникам с полудня до шести, – добавил Денис.

Михаил Афанасьевич снова нахмурился, но в его глазах читалось не недопонимание, а что-то другое.

– Да, к нам часто обращаются различные организации с предложениями проводить определенные мероприятия. Мы предоставляем им для этого площадку: Дом национальностей, Дом культуры, Дом молодежи или что-то еще. Если вы чем-то недовольны, напишите заявление, и мы попробуем разобраться в этом.

– Нет-нет, – снова заговорил Федор, – мы всем довольны. Просто хотелось бы узнать подробнее: кто эти встречи проводит и как выйти на лектора...

– Я вас не совсем понимаю...

– Нам очень понравились лекции! – донес основную мысль Денис. – Хотим узнать больше.

Партиец отнял руки от подставок с одними бумагами и принялся рыться в других. Через некоторое время он вынул пару листков, внимательно просмотрел их несколько раз, а после задумчиво взглянул сперва на Федора, потом на Дениса.

– Понравились лекции? – уточнил он.

– Да, очень интересные, – подтвердил Стрельцов.

– Мда-а-а-а... – протянул Михаил Афанасьевич, – Не понимаю... не понимаю...

Он снова вернулся к бумагам и еще несколько раз пробежался по тексту.

– Может с этими встречами что-то не так? – риторически поинтересовался Федор у Дениса.

– Да кто его знает...

Через полминуты партийный потряс в воздухе бумагами и повернулся снова лицом к ребятам.

– Да, вот... Действительно в ДК проводились лекции по русскому языку, но в договоре почему-то не указано кто проводил. Это очень странно. Обычно в договоре пишется, кто проводит встречи. Это нам надо для отчетности.

Он положил бумаги перед Федором. В графе «исполнитель» красовалось пустое поле, хотя все остальные пункты – от номера договора до даты и подписи – все было аккуратно заполнено.

– Наверное, это кто-то из своих, кому мы доверяем. Попробуем подробнее узнать.

Михаил Афанасьевич неторопливо взял трубку настольного телефона, на память набрал номер и несколько секунд сидел в молчаливой сосредоточенности. Лишь когда ему ответили на том конце, он заметно оживился.

– Николаич, да я это... Тут у нас черт знает, что с договорами. Мог бы помочь уточнить кое-что?.. Ну да, по сто семнадцать... – Он утвердительно кивнул головой. Скорее для себя,

так как на том конце провода его никто не мог видеть. – Двухнедельной давности договор. Лекции какие-то по русскому языку... Да! Да! По линии культуры – твое же?

Из брошенных слов, вырванных из контекста, сложно понять, разрешилась проблема или нет. Партийный функционер сперва в деловом тоне обсуждал текущую проблему, потом плавно перешел на грядущий в пятницу корпоратив, потом обсудил с «Николаичем» дела в округе и не забыл передать привет сестре и дочери. И только спустя минут пять он положил на базу запотевшую трубку и снова сделал задумчивое лицо.

– Похоже, этот договор нам сверху спустили, – многозначительно произнес он. – Такое бывает иногда, когда свои что-то проводят, а документы задним числом оформляют. Ну вы понимаете...

– Не совсем, – вставил Денис.

– Ну, как вам объяснить, – На лбу Михаила Афанасьевича чуть ли не моментально выступил обильный пот, а щеки заметно покраснели. – Партия в районные ячейки выделяет бюджеты на работу с населением, но подрядчика редко удается найти. Особенно толкового. И потому возле партии всегда образуется множество различных групп, готовых проводить круглые столы, конференции, субботники, лекции по антитеррору, по всяким государственным темам вроде русского языка или истории... просвещение, так сказать... И они всегда на расстоянии вытянутой руки. Получили бюджет – сразу есть кому освоить, не надо никаких тендеров устраивать как при госзакупках.

Он снова посмотрел сперва на Федора, потом на Дениса – исключительно ради того, чтобы убедиться, что его понимают.

– Вот. И поэтому часто бумагооборот не поспевает за реальными делами. Мы ведь прогрессивная партия. И у нас... так бывает, что мероприятия распланированы, а кто их будет осуществлять до конца не понятно. Какая из групп успевает, та и делает, а мы потом в готовые шаблоны документов – уже с печатями, подписями – просто дописываем исполнителя...

– И что же теперь делать?

– Думаю, вам надо поговорить с Новиковой из префектуры. Она занимается вопросами культуры и образования. Без ее согласия ничего не происходит. Так что если кто-то и знает о лекциях, то это она. – Михаил Афанасьевич откинулся в кресле, приняв расслабленную позу. – Смело идите к ней, она вас примет. Скажете, что от меня.

Федор, так и не получив никаких вразумительных ответов, поднялся, настороженно поблагодарил за уделенное время и вышел из кабинета. Вскоре его догнал Денис.

– Надо было «спасибо» что ли сказать...

– За что? – удивился Федор. – Он нам ничего не дал. Послал нахрен к какой-то Новиковой. Черт знает что! Пилят деньги напропалую, непонятно кто непонятно на что средства сливают, проводят лекции, и не найти ни заказчиков, ни исполнителей. И так везде в нашей стране.

– Да ладно тебе, они же свои деньги пилят, а не бюджетные. Свои могут на что угодно тратить.

– Свои? Это же КПЦ. Они эти свои деньги тоже получают в госбюджете, неужели не понятно?

Когда они вдвоем вышли из помещения, и когда красивая деревянная дверь за ними захлопнулась, Денис остановил жестом Федора и указал на ближайшую скамейку, стоявшую сразу же за огороженным газоном. Когда они подошли к ней, Денис сразу же плюхнулся на деревянные бруски, вынул из кармана пачку сигарет и раскурил одну. Федор продолжал находиться рядом, хотя и не любил, чтобы возле него кто-то курил.

Пока Денис молчал и наслаждался запахом ментола, Федор достал смартфон и быстро разыскал в Интернете Энгельсину Новикову. Она оказалась заместителем префекта. Новост-

ной агрегатор тут же вывалил большое количество гиперссылок на ее интервью и новости с ее участием.

Она оказалась очень популярной в СМИ. Даже казалось, что Федор видел ее в новостях. Большинство сообщений о Новиковой касались скандала двухгодичной давности, когда она сказала, что русские люди должны сперва выучить русский язык, прежде чем что-то на нем требовать у префектуры Южного административного округа. Отсюда большинство сообщений в духе «Когда же Новикова оставит свой пост?» или «Русские националисты митингуют у входа в префектуру, требуя отставки «русофобки Энгельсины».

В этот момент Федор вспомнил, откуда про нее слышал. Иван тоже был на том митинге, и мать с ног сбилась, пока вытаскивала его из отделения полиции.

Теперь все складывалось.

Тут же в Интернете он записался к ней на прием. В лучших традициях «цифрового правительства» сайт трижды не желал принимать заявку от Стрельцова, постоянно сообщая то о том, что проверочный код введен неверно, то о том, что произошла «ошибка при заполнении формы №11». После того как форма наконец-то ушла, вывалилось сообщение: «Пожалуйста, запомните или запишите ваш приемный номер – 03115».

– Прикинь, уже все перешли на цифру, и все равно прием в префектуре по талонам, – насмешливо произнес Федор. – Скоро будем в онлайн узнавать график отключений горячей воды!

– Ты и туда собрался?

– На завтра записали.

– Завтра я не смогу, – задумчиво произнес Денис. Не то он придумывал какой-нибудь повод не идти, не то вспоминал какие у него на следующий день дела. – Надо в универе появиться. Я из-за Светы уже несколько дней пропускаю. Не хотел бы, чтоб отчислили снова.

– Так вы расстались или нет?

– Да как тебе сказать, – замялся Мешков. – Сперва все шло хорошо. Встречались, весело было. Потом понаехала родня, приперла меня к стенке и давай выяснять, когда свадьба, требовать, чтобы не меньше полумиллиона стоила. Я им говорю, знаете, мол, свадьба, особенно такая показушная, нужна женщинам чтобы объявить всему миру что она не лохушка. Женщины же не равны с мужчинами. Для мужчин есть слово «женат», а есть равнозначное «холост». А у женщин только «замужем»...

– «Не замужем».

– Это производное от «замужем». А «не замужем» это как бы «недозамужем». Или «холостячка» – это как «холостяк-немужчина». Нет, короче, такого слова – «запарнем». Поэтому они все играют в эту игру, потому что знаю, что незамужняя женщина – не женщина, даже если лауреатка нобелевская. Я им сказал, что они все испортили, и я теперь вижу, что не хочу иметь дел с таким семейством. А она как бы наладить все сейчас пытается... но скучно уже!

Некоторое время Федор соображал идти или нет, а Денис докуривал сигарету. Когда он сделал последнюю затяжку, Стрельцов уже принял решение.

– Нет, надо идти к Новиковой. Я сам тогда схожу. В конце концов, это важное дело...

– Что-то ты недоговариваешь.

– Да не, все нормально. И к тому же мне есть с кем пойти. – Параллельно Федор порылся в телефонной книге и выудил из ее недр телефон Лены, с которой познакомился на лекции в ДК. Некоторое время он сомневался звонить или нет, и спустя пару секунд отключил смартфон. – Я тебе потом расскажу, как все прошло.

Денис кивнул в знак одобрения.

Вместе они направились вдоль Киришского шоссе в сторону метро «Домодедовская». Денис жил в Вешняках, самом иммигрантском районе города, Федор – в Царицыно. Не так далеко от управы. При желании можно и пешком дойти.

Если не считать дежурных прощаний и разговоров о погоде, они, по существу, больше не общались.

Расставшись с Денисом у станции метро, Федор направился в сторону дома, решив, что давно не ходил пешком, и прогулка длиной в четыре остановки раз в полгода не только отвлечет его от дурных мыслей, но и пойдет на пользу здоровью. В частности, ногам, которые уже много лет не напрягались как следует, хотя он и обещал сам себе регулярно заниматься бегом по утрам.

Не то разрядки ради, или от компенсации общения, Федор пообщался с «ай-секом» по поводу актуальных новостей, расспросил про кандидатов в президенты и пролистал последние жалобы телекомпаний на звездный троллинг, который стал модным в прямом эфире последнее время. Даже закон предложили – против злоупотребления интерактивом на телевидении.

После встречи с партийным работником вооружиться оптимизмом не получилось, но и то недопонимание, которое между ними возникло, и которое он пытался сам себе объяснить, не находя подходящих слов, постепенно его отпускало. По Ореховскому бульвару он прошел до кладбища. Здесь шумный город постепенно успокаивался, уступая место шелесту деревьев ближайшего Бирюлевского парка.

В какой-то момент его ноги с непривычки устали, он сошел с тротуара на траву, скинул кроссовки и погрузил пальцы ног в сочную сентябрьскую траву. И в этот момент он вспомнил себя, когда играл со своей матерью в парке на Воробьевых горах в 2004 году, будучи двух лет отроду. Возможно, это было самое первое, что он помнил о себе. Нет, не та память, какая бывает у людей, когда они знают истории, которые когда-то произошли с ними, и насчет которых они чувствуют, что помнят эти моменты. Нет. Он вспомнил это сам, увидел своими глазами все то, что видел тогда. Воспоминания пронесли так ярко, как если бы он сейчас находился там.

И в этот момент он понял насколько любил свою мать, и ощутил всю ту боль утраты, которую сдерживал и недопонимал до сих пор. Словно тот, не замученный бытовыми делами и не заюженный повседневностью Федор Стрельцов выпрыгнул из клетчатых шортов и впрыгнул в него, опустевшую оболочку, которая ходит по городу и ищет объяснения тому, почему он не скорбит по смерти самого близкого человека на свете.

Не помня, как он оказался на земле, Федор обнял свои колени и никого не стесняясь, даже не контролируя себя, заплакал, уткнувшись лбом в правое плечо и закусив рукав. Все тело трясло, словно при лихорадке, даже температура тела, казалось, подскочила. Слезы текли по руке, капая с локтя прямо на траву, которой сегодня так не хватало дождя.

Глава В. Пробезднение

Елена ждала его в центре зала, где встречаются все местные. Когда он вышел из вагона на «Автозаводской», сразу же ее увидел. Серебренникова стояла в темном непромокаемом плаще, с непривычно стянутыми на затылке волосами и книгой Дейла Карнеги в мягкой обложке, которую она мяла, не находя в себе силы открыть и читать.

– У тебя запланировано на завтра появиться в вузе, – неуместно напомнил iSec.

– Сейчас у меня запланировано встретиться с девушкой.

– Заказать цветы?

– Мы не в таком состоянии, чтобы дарить друг другу цветы... Пока еще...

– Заказать цветы на попозже?

– Не будем торопиться!

Он неторопливо подошел к ней и, не привлекая внимания, дождался, когда она сама повернется и увидит его.

– Привет. Как ты?

– Вторую неделю не могу в себя прийти, – тихим шуршащим голосом произнесла она. – Как похоронили папу, места себе не нахожу.

Федор понимающе кивнул.

– Ничего, мы найдем и раздавим эту гадину...

– Слушай, я думала об этом...

Федор схватил ее за плечи, и Серебренникова замолчала, не решаясь поделиться плодами своих мыслей.

– Я знаю, что ты скажешь, – предугадал Федор. – Что это какая-то бессмыслица, и что совпадения есть всего лишь совпадения. Еще ты скажешь, что я просто дурак, который ищет систему в хаосе, и что не бывает такого, чтобы от чьей-то шутки люди умирали. Но поверь, чем больше я разбираюсь в этом, тем больше мне становится понятен общий план.

Елена открыла было рот, чтобы автоматически возразить, как это делают все люди, но Стрельцов не позволил ей этого сделать. Он слегка встряхнул ее и продолжил:

– Возможно, так и есть. Возможно, я просто дурак, заикленный на этом лекторе и не готовый смириться со смертью. И, возможно, ты права. Но послушай, – его голос стал тише, – я прошу от тебя только одного. Давай сходим в префектуру и наведем справки. Если ничего интересного не появится – никакого случайного совпадения, никакой зацепки, ничего такого – я сотру твой телефон и больше никогда не позвоню. Да, это может звучать дико, но мне кажется, я что-то нашел, и мне нужна твоя поддержка...

Несколько секунд они так и стояли возле красно-синего стенда информации, а потом Елена еле заметно кивнула в знак согласия, и Федор отпустил ее плечи.

Вскоре они уже поднялись по эскалатору, и вышли на оживленную в этот день Автозаводскую улицу. Разразившийся кризис начал постепенно проявляться не только в магазинах, но и на улицах. Все хотели свалить Дракона – и не только изнутри, но и снаружи, усугубив санкции. Вчерашний мусор, собранный, однако в пакеты, не вывезли. А стекло у разбитой автобусной остановки так никто и не подмел.

– Знаешь, у нас есть еще полчаса... – произнес Федор, когда, оказавшись на свежем воздухе, Елена по-деловому направилась в сторону префектуры, расположенной неподалеку. – Так что предлагаю не торопиться.

Она сбавила темп. И Федор решил поделиться с ней своими последними наблюдениями.

– Ты знаешь, на самом деле это очень интересная теория, о которой нам тогда рассказывал человек в ДК. Может быть, даже мы сможем освоить некоторые приемы, когда с ним разберемся.

– Какая еще теория?

– Теория о том, что человек не может подумать ни о чем, для чего в языке нет слова, и о том, что все, для чего есть слова, неожиданно оказывается реальностью, даже если доказать, что на самом деле в природе этого нет.

– И что же?

– Я нашел несколько психолингвистических форумов в Интернете. На форуме Национальной комиссии по русскому языку меня сразу забанили, а на других я попытался сформулировать эту теорию своими словами. У меня это плохо получилось, но некоторые пользователи вроде поняли меня правильно. Они начали называть слова из других языков, и я, слушая их значения, начал понимать, что многие вещи для них были реальностью, а мы этого просто не замечаем. Ну вот смотри... – Федор на секунду остановился и зажмурился, чтобы вспомнить первое из них. – В японском языке есть такие слова как... «баккушан»... «кайакумама» и... «тсудоку». Первое – девушка, которая выглядит сзади шикарно, но оказывается страшненькой спереди. Второе – мама, которая неустанно толкает своих детей к успеваемости. А третье – купить книгу, но не дочитать её до конца. Представляешь? Я никогда не обращал внимания на эти явления, но, когда эти слова названы, я понимаю, что не все страшненькие девушки – страшненькие. Есть градация. Часть из них – баккушаночки. И не все книги хлам. Некоторые из них – тсудочные – выглядят интересно, а хлам у них только внутри...

Елена не особо проявляла интереса к этой теме. Оставалось только догадываться, что вообще прибудило ее пойти в тот день в Дом культуры. Так же и сейчас она молча и неторопливо шла вдоль Автозаводской к пешеходному переходу, совершенно не проявляя никаких эмоций по поводу услышанного.

– Что думаешь?

– Ничего не думаю. Сейчас для этого не время, – меланхолично произнесла она. – К тому же теория ничего не объясняет.

– Ты погоди, это первый этап. Я много думал на эту тему прошлой ночью. Смотри: он говорил, что также можно показывать вещи, называя их определенными словами, а можно прятать, скрывая названия...

– Заставлять людей слава забывать, что ли?

– Ну почти. Во-первых, да, можно извлекать слова из словарей и из обихода. Я тут вспомнил лекцию по истории металлургии. Наш препод говорил, что, когда коммунисты сто лет назад пришли к власти, они принялись строить промышленную индустрию по всему СССР. А общество тогда было аграрным, связанным с землей и способами его обработки. Это значит много детей, ведь дети – это новые рабочие руки, больше земли надо обработать. Ну и немобильность. Ты же к земле привязан – сиди и паши, никуда не ходи. Коммунистам потребовались новые люди, которые женятся поздно, рожают мало, а сами способны ездить по всей стране по всяким этим... «стройкам века», короче... Ну и новый образ жизни не включал в себя всякие развитые родственные связи. Это то, о чем тот лектор и говорил: мы утратили большую часть родственников, просто забыв, как они называются.

Серебренникова тяжело вздохнула

– Сложновато как-то, не находишь?

– Смотря какая цель. Ради некоторых целей и не на такое пойдешь.

– А во-вторых?

– А во-вторых, – Федор надолго задумался, вспоминая свою первую мысль, возникшую прошлой ночью. – Во-вторых, скрыть можно не только что-то спрятав, но и замаскировав под что-то другое. Основы камуфляжа. Все, что мы делаем или говорим, на самом деле это не совсем то же самое, что мы на самом деле делаем или говорим. Это как бы политкорректность. Чтобы не обидеть человека. Я сам вчера до этого дошел. Ко мне вечером подошел пьяница и говорит: «Дай десять рублей на лекарства». Он же не лекарства хотел купить. Он хотел

купить выпить. И знак подал соответствующий, чтобы выглядеть лицеприятно. А я ему ответил, что не подаю по средам. Тоже как бы знак подал, что на водку не дам. И вот все общение между людьми происходит в виде знаков. Девушка говорит: «Я с тобой в кино не пойду». Это значит, что не переспит с ним. Работник говорит: «Чтобы выполнить эту работу, надо сперва провести комплексную оценку ресурсов». Это значит, что делать эту работу лень, и смысла никакого в ней нет. Мама говорит: «Дочь, не пора ли тебе замуж?». Это значит: «Дочь, может хватит сидеть на моей шее, найди работу и конуру, где будешь жить»...

– Да, мама так говорит, – рассмеялась Елена. Даже прикрыла ладошкой рот, чтобы соблудности приличия.

– Но если человек не подает знак, то он ничего не хочет сказать. И то, что он мог бы назвать словом, перестает существовать для собеседника только потому, что на это нет никакой ссылки. Никакого знака, который должен был бы прозвучать, но не прозвучал. Понимаешь?

– Нет! – твердо ответила Серебренникова.

А потом показала пальцем на светло-бежевое трехэтажное здание с полукруглым фасадом, спрятанное среди голубых елей. От пешеходной зоны его отделял чугунный забор, стилизованный под ряд из копеек с серебряными наконечниками. За забором прогуливалось два человека в деловых костюмах, а в ворота въезжал автомобиль серии «УАЗ-Трофи» с правительственными номерами – недавно запущенная в серийное производство тачка для чиновников. Как раз знак того, что у Новиковой, возможно, есть проблемы посерьезнее, чем два болтливых и неумно любопытных студента с нелепой просьбой.

Федор и Лена молча перешли дорогу и оказались между автобусной остановкой, за которой виднелся новенький жилой дом, и забором префектуры.

– Им не до нас, похоже, – наконец-то произнесла Елена.

– Да плевать, – ответил Федор, хотя подсознательно понимал, что она права. – Мы записались на прием, значит примут. Ну, может в коридоре проторчим на полчаса дольше. Но должны принять!

Девушка только фыркнула, а потом уверенно направилась ко входу. Федор замешкался. На одной из балок забора висел рекламный листок, один из тех, что нищие и начинающие фирмы лепят куда ни попадя – на столбы, остановки, стены жилых домов – чтобы привлечь хоть какого-то клиента. Какое-то немыслимое отчаяние и экономическое бедствие заставило расклейщика метить ей административное здание. Надпись гласила: «Твоя жизнь изменится в сентябре! Горячие путевки на Шри-Ланку». Знаком чего была эта реклама, Федор тогда не понял.

Вскоре он догнал девушку, и они вместе прошли сперва за забор, а затем и в здание префектуры. Пройдя все формальности и получив пропуск после названного порядкового номера, они оказались за кулисами. Становилось веселее.

Кабинет Энгельсины Новиковой располагался на втором этаже, недалеко от лестницы. Похоже, прием у нее – дело непопулярное, поэтому и скамеек возле двери никто не предусмотрел. Но, похоже, Елена и не собиралась ничего и никого ждать, она направилась прямо к двери, и Федор успел остановить ее в последний момент.

– Погоди...

– Ну чего еще?

Стрельцов и Серебренникова встали у стены напротив.

– Наша задача – выяснить фамилию лектора, который тогда выступал. Потому что, если что, это единственное, что у нас на него есть. Без фамилии мы ничего не найдем. А я, если честно, уже даже не помню, как он выглядел.

– Мы разве не за фамилией и пришли?

– Да, за ней, – согласился Федор. – Но я не уверен, что Новикова не с ним за одно. Если кто-то из нас проговорится зачем он нам нужен, у нас будут большие проблемы. Надо больше деликатности.

– Ага, то есть это уже не просто убийство по неосторожности. Это уже правительственный заговор? Мне тоже тяжело, Федя, но это уже все пахнет изрядным бредом!

– Тише, тише!

Федор попытался успокоить ее как мог. Даже за руку взял. Но Елена одернула руку, освобождаясь от его прикосновения.

– Я ничего у тебя не прошу, Леночка! Только узнаем фамилию, и все!

– Ладно...

Над кабинетом не висело никаких мигающих светильников с надписью «следующий посетитель» или «входите». Поэтому сразу не догадаешься, ждут их за дверью или нет.

Собравшись с духом, Федор взялся за серебряную ручку двери, сжал ее и повернул. И вот сперва он, а затем и его знакомая оказались в просторном кабинете, обрамленном книжными шкафами, посреди которого стоял большой дубовый стол. Во главе стола сидела невысокая хрупкая женщина, которая даже не обратила на них внимания. Она продолжала перебирать бумаги в тонких папках даже тогда, когда Федор сделал пару осторожных шагов в ее сторону.

Лишь когда он нарочито кашлянул, она оторвала взгляд от строчек отчетов и справок, и бегло осмотрела посетителей с ног до головы.

– Да садитесь, чего стоите? – бросила она, и снова углубилась в документы.

С виду Энгельсине Никоноровне можно было дать лет тридцать, хотя фактически ей наверняка уже грозило сорок. С виду не отягощенная бременем своего положения и возраста, она играючи перебрасывала папки с одной на другую, словно так и не растратила свою роковитость на государственной службе, и создавалось впечатление, словно в поисках адреналина выволочки от начальства ей было уже мало.

Кабинет украшали многочисленные грамоты, иные в дорогих рамках, благодарственные письма и плакаты с проведенных мероприятий. Глядя на них, становилось понятно, что скандал 2022 года – не более чем ширма, внешняя видимая часть всего того айсберга, который уходил корнями в карьерное прошлое Новиковой.

Федор и Елена сели напротив нее, ожидая, когда чиновница освободится и уделит им время. Когда та закончила с папками, она поправила прическу и повернулась к посетителям.

– Добрый день, – тихим и полным достоинства голосом произнесла она.

– Здравствуйте! – встрепенулась Елена. – Нас к вам из партии послали. Мы хотели бы узнать по поводу одного мероприятия.

– Слушаю...

– В ДК на Домодедовской почти две недели назад проходили встречи, посвященные русскому языку, – взял в свои руки инициативу Стрельцов. – Нам очень понравилось это мероприятие, и мы хотели бы узнать побольше о том, кто его проводит, кто лектор, где он работает. Ну вы понимаете? Хотим больше времени посвятить изучению русского языка, его возможностей...

– ...сохранить национальную культуру, – вставила Елена.

– Да. Но там так получилось, что в Доме культуры нас направили в партию. Сказали, что это КПЦ все организовало. А в КПЦ нам сказали, что там у них какая-то неразбериха с документами, и что это, скорее всего, проводил встречи кто-то из тех, кто работал по какому-то заказу от префектуры, и что там в договоре не вписано, кто это конкретно. И мы бы хотели узнать у вас подробности... вот...

Энгельсина Никоновна снова посмотрела сперва на Федора, потом на девушку.

– Вы из «младоцентрист»?

– Нет, – среагировала Елена.

– Я вас не очень понимаю. Какой у вас интерес к этим встречам?

– Они нам понравились! – повторил Федор.

– Понравились?

– Да.

Женщина поднялась со своего места, поправила пиджачок и подошла к шкафчику. Когда она открыла дверку, из его недр пахнуло дорогим кофе и сладостями. Находясь в некотором замешательстве, она предложила посетителям по чашечке кофе, и те согласились. И вот уже они трое пили кофе, находясь в состоянии некоторой недосказанности.

– Честно говоря, я впервые с этим сталкиваюсь, – призналась Новикова. – Обычно мы проводим мероприятия, на которых бывает по пять человек, старушек разных. Они на все подряд ходят. У нас такой бюджет, что ничего интересного не провести. А молодежь нынче требовательная, у нее свои стандарты. Ну что я вам рассказываю, вы и сами все знаете лучше меня, сами ведь молодые. Вашего брата на муниципальные мероприятия не затащишь. Кино только да клубы интересны. А тут русский язык! Сами недавно из-за парты, осточертел поди?

– Есть немного, – сознался Федор. – Но эти встречи действительно интересны. Мы думали... мы хотели...

– Мы хотели организовать общество любителей русского языка! – вмешалась Серебренникова. – И на первую встречу пригласить того филолога, который был на Домодедовской. Но мы совершенно не знаем где его искать. Так получилось, что мы даже имени его не спросили!

– Какая жалость, – задумчиво произнесла чиновница.

– Увы, – вставил Федор.

– А кто вас ко мне послал?

Елена взглянула на Федора, но тот не растерялся. Хотя он и сам не всегда помнил имена и фамилии всяких должностных лиц, это имя и отчество того самого полного партийца он все-таки запомнил.

– Михаил Афанасьевич.

– А это кто вообще?

– Какой-то ответственный за связи с общественными организациями в нашей местной приемной... приемной партии...

Энгельсина Никоноровна понимающе покачала головой. Потом она снова поднялась со своего места и направилась к дальнему шкафу, стоящему у восточной стены кабинета, аккуратно между двумя большими окнами, занавешенными тяжелыми кремовыми шторами.

Не торопясь, она достала с верхних полок большую черную папку-кейс, откуда извлекла несколько папок поменьше – гибких и синих. В одной из них после длительного изучения, она нашла что искала.

– Да, я так и полагала...

Она вернулась за дубовый стол и положила синюю папку между своей кружкой и клавиатурой компьютера.

– Договор был подписан два года назад между Национальной комиссией по русскому языку и городской администрацией... так... объект договора – предоставление услуг в виде научно-популярных лекций о русском языке... на базе помещений, предоставляемых префектурами города... – Она перевернула несколько листов. – Вот! В договоре выявлены нарушения. Какие-то разночтения в значении слов. Поэтому там началось какое-то разбирательство, и лекции прекратились. Но комиссия, видимо, посчитала, что лекции должны продолжаться, так как боялась обвинений в неустойке.

– И они вели лекции дальше?

– Из документов не понятно кто вел лекции, – задумчиво произнесла она, – да и это странно. Комиссия не является некоммерческой организацией, она не могла получать деньги из городского бюджета на такие лекции. Впрочем, я тут такие видела схемы распила бюджетных денег, что это не кажется чем-то совсем уж необычным...

– Не могли же люди с улицы прийти, выдать себя за людей из этой комиссии, и вести просто так лекции, верно? – не то возмутилась, не то уточнила Елена.

Новикова оторвалась от папки и прильнула к монитору компьютера. Несколько минут она что-то искала в Интернете, а когда повернулась к посетителям, на лице ее отобразилась улыбка, смешанная с недоумением.

– Тут написано, что комиссия с мэрией до сих пор судятся, хотя после расторжения полтора года прошло. Шестую лингвистическую экспертизу на днях назначили...

Федор взял в руки чашку, отпил немного кофе и поставил ее обратно на блюдечко.

Словно кто-то заметал следы, реализуя хитрый и дьявольски бестолковый план, у которого оказались случайные жертвы. Вся ситуация выглядела настолько нелепой, что не укладывалась в голову. Он посмеялся бы над ней если бы мог, и на следующий день выбросил бы из головы, если бы не смерть матери. Но и это выглядело как дурное стечение обстоятельств, если бы не смерть отца у Елены. Находясь где-то между истерикой и бешенством, в состоянии некоторой одосадованности, Федор не мог определиться в какое состояние впасть, и это держало его на плаву всю оставшуюся неделю. Впрочем, он был близок к срыву, так как единственная ниточка, связывающая его с этим странным человеком, оборвалась в эту минуту.

– Это хорошо, что вы обратили внимание на эти наши недочеты, – продолжала слегка разочарованно Энгельсина Никоноровна. – Сейчас время такое. Дракон, как вы знаете, уходит. Отпрезидентствовался. Ну и элиты на разных уровнях готовятся, кадровая ротация, смена лиц. Наш префект как раз скоро уходит, а нам надо дела в порядок привести. И здесь тоже хвосты подчистить. Перед выборами будет не до этого.

– Я и не думал, что это такая проблема, – находясь в некоторой прострации, произнес Федор. – Президенты же и так постоянно меняются – через выборы.

– Выборы-то конечно выборы. Но не все так просто. Когда Дракон пришел к власти в двухтысячном, была настоящая разруха. Вы и не родились тогда еще. Да и сейчас мало кто об этом что помнит, а еще больше народу не хочет об этом никогда вспоминать. С тех пор он многое изменил: прекратил войну на Кавказе, присоединил Крым, поднял экономику. Страна стала настоящим произведением искусства. Но он не может дать нам никакой другой цели. Особенно сейчас, когда он стал стар. Многие продолжают держаться на его слове, личных договоренностях. Приди к власти другой президент, Порохов, например, начини он проводить свои реформы и прочие перемены, и те, кто с Драконом договаривался, разбегутся. Вон, в Чечне заявят, что порядок в республике только потому, что Кадыров с Драконом в две-тысячи-лохматом году по рукам ударили. Нет Дракона, нет и мира в Чечне. Ну и во всем так: от внешней политики до мира внутри государства.

– Так может другой президент придет и даст новую национальную идею?

– Нет никакой национальной идеи... Это миф. Теоретики Великой французской революции, когда придумали такое понятие как «нация», определили ей только одну идею – всеми силами повышать образ жизни. Так что нет никакой цели. И не будет. И Дракон ее дать не в состоянии. Национальная идея может быть сформирована на том национальном языке, который может обеспечить мировое господство, а русский язык так зареформировали, что он ничего не может. Мы живем на руинах языка. В нем слова расходятся с понятиями, другие слова никто не понимает правильно. Например, все уже забыли, что дверь нельзя открыть. «Открыть» можно только крышку. А дверь – это створа. Ее можно только отворить. И так сплошь и рядом. Чему удивляться, что у нас остался один только Дракон. А цель дракона... – Женщина вопросительно подняла глаза на Елену.

– Охранять золото! – выпалила та.

– Да-да, охранять золото, – констатировала чиновница. – Вот он и охраняется золото, пока никто не разворовал. Мыши всякие подворовывают, конечно, помаленьку. Но стратегические запасы – не только денег, но и инфраструктуры, «Первый» телеканал, сотовая компания

«Старший брат», нефтяной и газовый бизнес, идейные активы – не разворованы. И как только Дракон уйдет, тут-то они все и накинута, тут-то они все и поывлазят на свет Божий...

Энгельсина Никоноровна задумчиво развела руками, показывая всей своей фигурой ту глубокую безысходность ситуации, в которой оказалась и она, и ее посетители, и вся страна вместе с самим Драконом.

– Но разве у Дракона недостаточно власти чтобы что-то сделать? – Федор оглянулся инстинктивно по сторонам, словно шпионы Дракона могли следить и за этой комнатой. Подсознание говорило, что не стоило болтать лишнего, но сознание требовало прямые ответы. – Ну, я там не знаю. Выборы подкрутить – чтобы к власти пришли правильные люди, которые ничего не испортят, все сделают правильно. Приемник какой-нибудь. Как в восьмом году.

– А что такое власть? – неожиданно спросила чиновница.

Пока Федор соображал, Елена чуть привстала на своем кресле и выпалила:

– Когда побеждаешь на выборах и можешь делать все, что считаешь нужным. Когда общество дает тебе право решать его судьбу – по Конституции.

– Власть дает Конституция?

Неожиданно вспомнился обрывок радиопередачи, посвященной изменению конституции и о том, как конкретно ее стоит понимать – как что-то незыблемое или как что-то, отражающее процессы и изменения, происходящие в обществе. Сам Федор был далек от этого, но шоу заставило его задуматься.

– Да, – пояснила девушка. – Конституция делает власть человека официальной... а Дракон – гарант того, что Конституция работает.

– Но ведь конституция – это лишь бумага, исписана буквами. Она ничего не может делать с властью и человеком.

Елена несколько сникла. Слова опытного человека расходились с тем, что она слышала в вузе и по телевизору.

– А что дает человеку власть?

– Победа на выборах... – неуверенно ответила она.

– То есть ты считаешь, что власть приходит к человеку после того, как он набьет исписанной бумагой деревянный ящик?

– Но как же...

Энгельсина Никоноровна несколько обреченно пожала плечами.

– Я боюсь, все эти разговоры о демократии, священном институте выборов, процедурности и легитимности – лишь разводки для среднего класса, для людей, которые не задумывались о природе власти, и которые не считают нужным разбираться в этом вопросе. Дракон пребывает во власти уже почти четверть века, и он не дает нам об этом забыть. Он создал власть... а власть можно только создать. Ее нельзя ни украсть, ни присвоить, ни обменять на резаную цветную бумагу... и власть Дракона никем не ставится под сомнение, пока жив Дракон. Но пока жив Дракон, жива и его власть. А написана власть может быть только на определенном языке. Поэтому то, с чем вы ко мне пришли, намного важнее того, насколько вы это себе представляете.

– То есть это не распил бюджета, а что-то другое? – уточнил Федор.

– Есть еще кто-то, кто не проявил себя. И он не хочет, чтобы его дела оказались замечены. Поэтому он пользуется правовой неразберихой чтобы делать свои дела и, в конечном счете, построить необходимый язык, на котором будет написана власть. Ваше открытие интересно, но оно очень не вовремя.

Женщина повернулась в своем кресле к шкафу, что стоял сразу за ней, открыла нижние дверцы и там, раздвинув в разные стороны сменную обувь и старые коробки из-под картриджей для принтера, достала увесистую папку с бумагами – белыми и желтоватыми.

– Вы кажетесь разумным человеком... – настороженно произнесла она. – Я это по глазам вашим поняла. И ваша цель не в том, чтобы организовать кружок русской словесности. Кто знает, может именно у вас что-то и получится.

Федор хотел возразить и скрыть свои истинные мотивы, но решил, что уже слишком поздно. Толстая папка неопределенно цвета легла ему в руки.

– Что это?

– Приостановленные контракты с различными НКО по госзакупкам. Попробуйте найти похожие случаи, и, может быть, сможете раскрутить цепочку.

– А вы? – спросила Елена.

– Завтра уволят Вихалевского, а значит подходит и мой черед. Префектуру возглавят новые люди. Пока будут делить власть, никто не хватится папки. Так что желаю удачи...

– Мда-а-а-а, – протянул Федор после минутной паузы и двух-трех глотков кофе. – Похоже, не получится у нас ничего с нашим клубом любителей русской словесности.

Он все же решил играть до конца свою роль.

– Ну, почему знать? – Она допила остатки кофе и постучала ложкой по краю чашки. Получилось мелодично и несколько грустно. – Вполне возможно, что вы разберетесь во всей этой странной истории. Может и я чем смогу помочь, пока на своем месте еще нахожусь. Вы держите меня в курсе ваших поисков. – Она достала из нагрудного кармана пять или шесть визиток, две отдала Федору и Елене, а остальные положила на клавиатуру, аккуратно ребром между рядов клавиш. – Буду за вами присматривать. Мне самой интересно, что это за заговор такой любопытный у нас за спиной происходит...

Спустя некоторое время они попрощались. Федор и Елена вышли из кабинета, каждый по-своему рассматривая визитку Новиковой. Они спустились на первый этаж и там столкнулись с небольшой группой людей, столпившихся на выходе из префектуры.

Один из них, невысокого роста и полный, в темно-синем костюме с красным галстуком и белой рубашкой находился в центре. Его окружали двое женщин в серых костюмах попроще, а чуть поодаль держался телохранитель с поцарапанной челюстью в похоронно-черном прикиде. Далее находились еще двое – мужчина и женщина. Они, видимо, являлись работниками префектуры, что спорили с полным человеком. Несколько особняком стоял основательно сидящий интеллигентного вида мужчина в вельветовых простых брюках и светлом свитере в элегантную полоску, шею которого украшал элегантный красно-серебристый платок. Он беседовал с уставшим на вид человеком средних лет, который нехотя отвечал на его вопросы. Они явно не имели никакого интереса к склоке у выхода и говорили не спеша. Тот, что в свитере, держал в руках книгу редкого фиолетового цвета.

Когда Федор, а следом и Елена направились к выходу, телохранитель выступил вперед и преградил путь, ожидая, когда его начальник решит все вопросы с работниками префектуры. Спор касался накладок в исполнении госконтрактов, и они раздражали чиновника.

Телохранитель занял внушительную позу между группой сотрудников госаппарата и двумя студентами. Он казался даже несколько грозным, хотя ничего такого нарочито не предпринимал, чтобы таким казаться. Глядя на его работодателя, становилось ясно, кому принадлежала въехавшая в ворота машина с правительственными номерами.

Когда спорщики покинули здание и переместились на улицу, телохранитель сделал несколько шагов назад и оказался у двери, преграждая выход наружу. Федор, Елена, человек в свитере и уставший остались внутри помещения. В этот момент удалось подслушать, о чем они разговаривали.

– Именно вам будет интересно познакомиться с философией Улафа Кенига, этого нового норвежского довольно оригинально мыслящего интеллектуала. Я как раз в том месяце выступал с лекцией на эту тему – «Ультранормальность и бесконечное множество». В каком-то смысле он маргинален. Маргинален и в смысле «непопулярен» относительно идейного евро-

пейского мейнстрима, и в смысле «прогрессивен». Ну, вы понимаете, – произнес человек в светлом свитере. – Опыт, которым вы располагаете, настолько бесценен, что должен найти какое-то отражение в современности *a realibus ad realiora*. Я сейчас не вижу, как это можно сделать. Но, в конце концов, это вопрос социального дизайна, не более того...

– Для того, чтобы находиться в истории, момент выбран не очень удачно. Мне проще говорить. Суммарный опыт позволяет мне не отвлекаться на модные течения. Но новая эпоха будет находиться от истории еще дальше, чем годы перед ней. Мудрые люди отличаются от обычных тем, что видят процессы в истории. И таких все меньше. Вы, Коллинз, может еще несколько человек. Поэтому я доверяю вам это, – произнес задумчиво уставший человек.

Образ его был весьма необычным. Обветренная кожа, совершенно нехарактерная для жителей города, серые, впалые глаза, развитые надбровные дуги, несколько скошенный большой лоб. Если бы добавить к этому еще тридцать килограмм мышц, получился бы вылитый Николай Валуев или иной какой боксер-супертяж.

– Ваша метафизика мудрости в этом плане весьма интересна. Хотя это и *absurdum in adjecto*, но я бы добавил, что именно вам следовало бы отказаться от идеи мудрости вообще... в конце концов, кому как не вам?

– Да я и не признаю никакой мудрость, – ответил тот. – Единственная разница между мудрыми и дремучими в том, что одни видят с чего все начиналось и куда все идет, а другие думают, что ничего не меняется. Обладание историческим мышлением. Мудрые знают, что тоже были молодыми и хулиганили напропалую, а недалекие думают, что и в двадцать лет были старыми и высоконравственными, и что молодежь – это дегенерация человечества. Глупый человек живет здесь и сейчас. Нынешняя жизнь кажется ему венцом мироздания. Позади – кромешная тьма, впереди – то же самое, что сегодня. Для глупого человека сегодняшняя власть вечна и ничем не заменима. Завтрашняя – будет такой же вечной и безальтернативной. Те, кто глуп, думают, что православие – великое учение, и истинная вера, а исламисты покушаются на этот порядок. Те же, кто помудрее, знают, что две тысячи лет назад христиане были сектой, гадили в храмах Юпитера и совершали теракты, неоднократно поджигали Рим. Но чтобы получить это видение, надо выйти за рамки. А зачем мне выходить за рамки? Я получил все то же самое, только другими путями... я живу, наблюдаю и вижу многое... надоело уже...

Человек в белом рассмеялся.

Затем он протянул своему собеседнику книгу, которую держал в руках. Видимо, это и была та самая книга Кенига. Уставший человек взял ее, осмотрел торец, обложку, пролистал страницы.

– Вы знаете, что фиолетовый цвет в Европе – это цвет смерти? – поинтересовался он.

– Серьезно?

– Да. Отсюда выражение «мне все фиолетово».

Охранник незаметно вышел через парадный вход. Вскоре послушался шум движка, скрип открывающихся ворот и шелест шин по мокрому асфальту. Федор глянул через прозрачную дверь. Пока они были на приеме у Новиковой, начался и закончился дождь.

– А вы, простите, знакомы с Натаном Григорьевичем? – послушалось сзади.

Федор повернулся и увидел, что взгляд человека в светлом свитере обращено к нему. Сначала он даже не понял кто именно из всех людей, почтивших своим визитом коридор, является «Натаном Григорьевичем». Потому многозначно пожал плечами.

– Нет, мы тут из-за языка, – вмешалась Елена.

– Языка?! – изумился тот. – Крайне интересно!! Крайне!

Уставший человек кивнул в знак прощания сперва своему визави, потом студентами, а затем направился к выходу, зажав подмышкой фиолетовую книгу.

– В нашем местном ДК проходили лекции о русском языке, которые проводил человек, который не представился. Мы хотели его найти, ходили сперва в КПЦ, а оттуда нас направили

сюда, но мы и тут ничего особого не узнали, – выпалил Федор, хотя и понимал, что говорить о своих проблемах, тем более такого порядка, первому встречному не следовало бы.

– Ну что же, – после некоторой паузы ответил ему человек в светлом свитере. – Хотя что-то происходит на переломе эпох! Воистину *esse spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo dues...*

Федор снова пожал плечами, так как из латыни он знал только название химических элементов и немного расхожих фраз, которые иногда в шутку употреблял отец.

– Не переживайте, – резюмировал человек, – язык это такое удивительное архитектурное сооружение, что, сколько бы вы ни старались избежать неизбежного, никогда не сможете это сделать! Дважды два это всегда четыре. Это аксиома языка, если вместо цифр использовать буквы. Почти что алгебра, написанная в счетной системе, где тридцать три цифры, а не десять, как в арабском счете. Так и будущее можно предсказывать. Вы не пробовали? Мда. Такие дела!

– Спасибо вам, – вмешалась Елена.

– Да не за что... – настолько сухо, насколько это было возможно, ответил человек в свитере.

И это «натурально» сильно проконстрастировало с его прежней миролюбивой и спокойной интонацией, что показалось, будто тот в одну секунду утратил весь прежний интерес, перегорел, растратив последнюю энергию.

Не выясняя причин, Федор и Елена покинули префектуру и направились прогулочным шагом на юг. На часах отражалось около шести, и солнце еще продолжало печь. Хорошая погода, мало людей вокруг – самое то, чтобы потратить остаток дня для общения и души.

Вскоре они пересекли Трофимовскую эстакаду и Кожуховский пруд, и направились вдоль проспекта в сторону Царицыно, предусмотрительно перейдя на ту сторону, где располагался Нагатинский парк, а не унылая и грустная промзона вперемежку с полуразорившимися ныне автомагазинами и автосервисами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.